

18+

Игорь КОТОВ

АФГАНИСТАН

1980 - 1981 год

ХАРА

ПРЕДАННЫЕ ИМПЕРИЕЙ

Записки лейтенанта

Игорь Котов
Преданные империей.
Записки лейтенанта

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56344053
ISBN 9785005106971*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Одно из самых кровавых побоищ на территории Афганистана, в период нахождения там советских войск, произошло в кишлаке Хара 11 мая 1980 года. Общие потери личного состава превысили 80%. Из 6 офицеров, выжило трое. Сейчас жив лишь один. Котов Игорь Владимирович. Автор этой книги. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ДО ХАРЫ	5
Алма-Ата. Осень. Ноябрь. 1979 год	5
Боевая тревога. 23 декабря	11
Марш: Алма-Ата – Афганистан	29
Афганистан 4 января 1980 года	45
Тулукан – Рустак	61
Первый рейд	63
Марш в Кабул	78
Перевал Саланг	83
Кабул – Париж Востока	93
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Преданные империей

Записки лейтенанта

Игорь Котов

© Игорь Котов, 2020

ISBN 978-5-0051-0697-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДО ХАРЫ

Алма-Ата. Осень. Ноябрь. 1979 год

Выпуск 1979 года в Тбилисском артиллерийском училище имени 26 бакинских комиссаров начался с построения личного состава всего училища на плацу перед административными корпусами напротив трибуны, на которой его начальник – генерал-майор Шувалов зачитал приказ Министра обороны СССР о присвоении всем нам первого офицерского звания – лейтенант.

Часть выпускников направлялась в военные округа необъятной Родины, часть – в группы советских войск – мечту молодого человека, которые уже тогда больше думали о благе а не о службе своей стране, впрочем, им тоже хотелось построить карьеру в соответствии с графиком роста, утверждёнными родителями, которые и проплачивали включения своих чад в согласованный с командиром 9 – ой батареи капитаном Араратяном список.

Мне судьба выпала начинать в САВО – Средне-Азиатском Военном Округе со столицей в республике Казахстан – городе Алма-Ате, куда я попал позднее, ибо при распределении меня отправили служить в Талды-Курган – небольшой городок с размещённым в нём мотострелковым полком и лишь

спустя пару месяцев, по приказу командующего округом, был переброшен уже в столицу, для усиления местных джигитов. И там каждый вечер имел свою перспективу, позволяя по окончании работы сходить в ресторан и набить желудок ароматно пахнущей едой. Во всяком случае именно так я и думал, впервые за неделю вырвавшись за ворота моей новой части.

Лишь двое суток назад я приехал в Алма-Ату для продолжения службы в 186 мотострелковом полку иначе – в\ч 77800 и сейчас, возвращаясь в себе в общагу, заблудился в лабиринте одноэтажных построек частного сектора, куда завели меня не простые отношений с собственным желудком. Сейчас чувствуя мозгом, что иду не туда, мне казалось, что за очередным поворотом меня ждёт как минимум тепло и уют в окружении шашлыков, или наоборот. Уже и не помню.

Во времена СССР поужинать в Алма-Ате, было практически невозможно. Столовых не было, а те, что были, работали до 19 часов, а у молодых офицеров свободное время появляется после отбоя личного состава, то есть после 22.00. В общем сами понимаете, что в Алма-Ате мой желудок вечером мог встретиться с пищей только по теории вероятности. Столовые того периода представляли собой кошмарное зрелище, где слабонервному было не суждено дожить до компота. Терпкий запах перегнившей пищи окутывал сознание настолько, что гашиш не требовался. Жирные мухи, бесстыдно

жравшие то, что предназначалось людям, табунами сидели на окнах, образуя графитовые пятна зыбкой массы, напоминающие черные озера Сары-Озека. Столы не убираемых отходов кишели палочками Коха.

В Талды-Кургане всё было не так. Там по вечерам светились неонам рестораны. Там всегда находилось место заблудшей душе, да хотя бы в женском общежитии недалеко от казарм и офицерских общаг. Там всегда могли принять одинокого молодого офицера, как на постой, так и на вечерок. А порой и на два. Если казашка попадалась симпатичная. О морали все забывали после первой стопки. Там даже кровь играла как шампанское на Новый год.

А в столице темные и неприветливые улицы, по которым я шел под завывание ветра, пронизывали насквозь, вызывали отвращение к этому городу, где предстояло служить. Попытка найти хотя бы одну столовую, привела в потере ориентации в пространстве, и как итог – блужданию по незнакомым улицам. Низкие тучи, словно демоны, кружились над городом изрыгая в лицо струи мокрого снега с дождем. Под сапогами булькала грязь, расплзаясь под каблуками, навевая тоску. Желудок сжимался до размера обручального кольца, периодически напоминая о себе неприятными болями.

– Не надо было тебе выходить, – нудило мое второе я, существо настолько гнусное, что иногда мне хотелось его придушить.

И если впечатление от этого вечера и могли скрасить при-

ключения на задницу, то ждать себя они не заставили. Трех парней я заметил в сумраке лишь тогда, когда чуть не поцарапал своим бортом их корму. К девяти часам вечера в Алма-Ате становилось настолько темно, что черный квадрат Малевича сливался с окружающей средой.

– Эй, – это тебя, беги, пока не поздно, опять загундосил мой вечный оппонент, но я остановился. Назло обстоятельствам, назло ситуации и заодно и назло своему второму я.

– Вы меня?

– Дай прикурить, парень..., – не самый высокий из тех троих, что стояли на моем пути, подошел ко мне, дыхнув перегаром в лицо. Из них он был самый старший. Лет около тридцати, но их казахов не поймешь, сколько им лет, у всех один возраст. Другой, что повыше, был настолько пьян, что стоял, держась за мокрый от дождя деревянный забор, опустив голову к земле. По ощущениям, недавно отблевался. Еще одного парня, самого молодого, не достигшего и восемнадцати лет, увидел слева от себя, как мне тогда показалось, немного напряженного, возможно от истощавшего его организма флюидов страха – предвестников драки.

– Не курю.

– А деньги есть? – продолжил собеседник и неожиданно нанес, хотя я успел заметить его боковым зрением, удар в левую скулу, так, что мне не удалось отклонить голову, чтобы смягчить его. Но видно или он был слишком пьян, или мне все же удалось среагировать, но, скользнув по челюсти, ко-

стяжки пальцев лишь обожгли кожу.

Подчиняясь рефлексу, я выбросил от бедра руку, мгновенно встретившую подбородок нападавшего, сильно раскрутив бедра, так как и учил Нгуен, чувствуя, как мой кулак уткнулся в твердую преграду небритого подбородка. Практически сразу же раздавшийся хруст костей остановил остальных от необдуманных поступков.

В Тбилиси, до военного училища, я учился в ПТУ №6 куда, в 1974 году приехали вьетнамцы. Некоторые из них успели повоевать с армией США. Старший у них был Нгуен, двадцати-трех летний парень с обожженной напалмом кожей. Он и показывал мне некоторые приемы из арсенала Вьет-водао – боевого искусства Вьетнама.

Спасибо тебе Нгуен.

А пока....

Сцена, как у Гоголя, и тишина....

– Как пройти до АВОКУ? – пока кровь не наполнилась адреналином и не сорвала голос, спросил я. Словно ничего не случилось.

– Прямо, километра два..., – тихо ответил молодой парень, голосом близким к панике впечатленный ответом и практически потерявшим ко мне интерес.

– Спасибо, – ответил я, чувствуя как сердце, готовое вырваться из груди, начинает перекачивать тонны крови в таком бешеном ритме, что дойти до части за десять минут представляется мне плевым делом. Я сделал несколько

шагов спиной вперед, не позволяя им броситься на меня. И лишь убедившись в отсутствии агрессивных желаний, развернулся к ним кормой.

Еще не замерзшие лужи отражали мои подошвы и меня, когда я смотрел под ноги. И видел далекие звезды, растворяющиеся от пара изо рта. Сейчас мне кажется, что именно в тот момент дьявол стал точить на меня рога.

Боевая тревога. 23 декабря

Мелкая поземка колючего снега стелилась над землей, обнажая черное тело асфальта, швыряя в лицо колючую шрапнель. Казармы, до которых всего пять минут шагом от офицерского общежития, располагались в паре сотен метров, преодолеть которые, особенно при встречном ветре было делом непростым. Не знаю как другим, но для меня это была первая настоящая зима со снегом, который можно слепить в снежки. Зима в столице Казахстана, славшегося своими яблоками, мало походила на зиму в Тбилиси, где я вырос, с его вечной промозглой осенью, когда ветра мешались с дождем или мокрым снегом, хотя оба города чем-то напоминали друг друга. И тот и этот были окружены горами.

Тогда мне казалось, что передо мной открылась дорога, по которой я мечтал идти по крайней мене лет двадцать пять, служа своему Отечеству верой и правдой, или насколько хватит сил. Тогда я был полон надежд и желаний. Пока не произошло событие, перевернувшее не только мой, но и весь остальной мир, с ног на голову.

С тех самых пор он так и стоит на голове, меняя сознание людей настолько, что понимание таких слов как «честь» и «совесть», превращается в набор букв, давя своей массой на неокрепший мозг, от чего и наши дети не совсем понимают, что есть «хорошо», а что «плохо». Слова, потеряв-

шие смысл, превращаются в слова изгой и все реже и реже звучат из уст руководителей некоторых страны, бывших некогда частью одного государства.

Впоследствии, мировые проблемы здорово мешали мне в жизни как в части физического, так и духовного развития, и чуть не вогнали в «звериное» состояние настолько глубоко, что граница сия была тоньше человеческого волоса. Лишь преодолев шестидесятилетний рубеж, могу сказать – устоял. Не поддался на провокации дьявола, видящего в каждом из нас свое творение, не падал во мрак, возврата из которого нет.

А значит, не напрасно жил.

А пока – продолжим наше повествование.

Алма-Ата в переводе с казахского – «отец яблок», лежал за воротами воинской части 77800, в простонародье «семь на восемь», наблюдая из-за забора за странными делами, творившимися на территории «паркетного полка» номер 186, где толпы неорганизованных масс в форме, перемещались по странной траектории, абсолютно непредсказуемой даже для генерального штаба.

В Советской армии существовало два типа полков, обыкновенный и «паркетный». Визуально между собой практически не отличаясь, они, тем не менее, были столь не похожи, что, попадая из одного типа подразделения в другой, следовало проходить как минимум месячную адаптацию.

События медленное текущей армейской жизни в вышена-

званной части неожиданно прервалось тревожным криком дежурного офицера, от которого перехватило дыхание и заставило пульс стучать чаще обычного, переводя разум в тревожное состояние, известное психологам как ажитация, хотя здравомыслящая часть населения назвала бы его волнением. Именно им был полон мой полк этим самым состоянием по самые помидоры.

Бегущие по части солдаты вперемешку с младшими офицерами, с мелькавшими между ними майорами и подполковниками, что само по себе удивительно для Советской армии времен СССР, несли в себе некий импульс неизвестного, страшного, от которого срывается голос, рождая в мозгу картинку ужасней предыдущей. От рваной работы мозга, выбрасывающей в кровь огромное количество адреналина, закупоривающего вены, слабели мышцы и тупая боль, достигшая гортани, вызывала спазм.

Впервые это слово произнес посыльный, рядовой Мамедов (был тяжело ранен в Афганистане), по долгу службы оказавшийся в расположении офицерского общежития, известное как «ночлежка» по приказу командира второй роты старшего лейтенанта Какимбаева. Разбудив офицеров своей роты криком, когда стрелки часов едва не достигли цифры двенадцати.

– Война, – и мгновенно утихли разговоры практический во всех соседних комнатах, отгороженных друг от друга тонкими переборками стен из фанеры. Отчего-то сразу стало

неуютно. Те, кто не расслышал его, переспросили у мгновенно притихших товарищей, заинтересовавшись их неожиданно побелевшими лицами.

– Война?

Воспитанные на фильмах «Офицеры» и «В бой идут одни старики», многие, услышав его, словно оказались в окопах оцепенения, другие наоборот – почувствовали, как их тела наполняются некой силой, проникающей в кровь и расплывшейся по нервам метастазой, заразившей, в последствии, целую страну не вылечившуюся до сих пор. Метастазой кровавых побоищ, ружейного огня и расстрелов. Героизма и трусости, настолько сильно переплетавшейся между собой, что не понять, где что.

Желание прочувствовать с чем жили их отцы и деды читались на каждом лице неожиданно побледневшими разводами у скул. Взглядами, отдаленно напоминавшими глаза солдат с картин баталистов. Пустыми и холодными. Движениями, немного сумбурными и не всегда координированными.

– Война!

И, поверьте, нет более сильного, по своему накалу слова, способного изменить образ мыслей и желаний вчерашних школьников, превратив их в солдат не по внешней форме, а по внутреннему состоянию, полному огня, испепелившему мелкие неурядицы в службе и личной жизни. Застав смотреть на мир иными глазами. Глазами Ангелов.

– С кем? – прапорщик Акимов, недавно вернувшийся

с целины, и еще не отошедший от партизанского образа мыслей, тут же сам себе и ответил, – со вторым батальоном. В частности с прапорщиком Отказовым, который спер у меня в командировке две бутылки водки. И этого я ему не прощу.

Невысокого роста, он обладал незаурядной прыгучестью, будучи капитаном сборной части по волейболу, а также независимым мышлением и острым языком, способным просверлить любую дырку в преграде между людьми. Чтобы иметь о нем более точное представление, было достаточно находиться с ним рядом часа два, слушая его незамысловатый треп. По социальному статусу в первом батальоне во главе с недавно прибывшим в часть капитаном Переваловым (дикорастущим, как выразился командир минометной батареи капитан Князев), он занимал один из важнейших элементов сего механизма, без которого не могла функционировать ни одно боевое подразделение – был санитаром, медбратом, медиком. В общем, человеком, который будет вытаскивать с поля боя раненых и убитых, рискуя своей жизнью ради жизни незнакомых, в общем-то, ему людей, спаянных с ними лишь верой в безупречность поступков своего командования, немного дружбой, замешанной на взаимных интересах и периодических пьянках, спаивающих (от слова паять) коллектив.

– Игорь, ты каратист? – на мой кивок он практически мгновенно ответил – собирай своих, и пойдем бить врагов.

Своих – это значит, лейтенанта Игоря Свиныхова – замполита второй роты. И всё. Остальных он вполне заслуженно, а кое-кого и не заслуженно называл ёмким русским словом, кратко характеризующим сущность человека, в медицине употребляемым для обозначения резинового изделия, предотвращающее беременность. Как попал в число «своих» замполит Свиныхов, потомственный политработник, с которыми у прапорщика шла нудная и, как правило, с переменным успехом война, иногда холодная, иногда горячая, мне пока было не ясно.

Собираться долго не пришлось. У каждого был тревожный чемоданчик, готовый именно к таким случаям в жизни. А полевая форма одежды у нас давно превратилась в часть кожи. И спустя десять минут как покинули теплое офицерское общежитие, мы разошлись каждый в свою сторону уже в расположении казармы первого батальона, где, в общем-то, и служили, не интересуясь так с кем же все-таки война?

Строения алма-атинского полка состояли из одноэтажных казарм, построенных лет пятьдесят (или сто) назад. Расположенный рядом с мотострелковым училищем, но это как посмотреть, (для некоторых, именно АВОКУ стояло рядом со 186 полком) он представлял собой ударную силу всего САВО. По первичным половым признакам – особое подразделение, службу в котором проходили, как правило, детишки полковников и генералов, для которых он был трамплином к вышестоящей должности, таких, имеющих «волосатую ла-

пу», называли кратко – «инвалидами».

Наш полк был полон инвалидов, как военный госпиталь времен Великой Отечественной войны. Но это уже специфика паркетных полков.

С нами служила еще одна часть, единого целого офицерского организма именуемая «карьеристами», эти от безысходности давно положили все, что можно положить, на службу, отправленные в полк доживать свой век. Каждый батальон имел в обойме пару таких жизнерадостных созданий, основная задача которых – дотерпеть до 40, чтобы с чистой совестью покинуть стройные ряды Советской Армии навсегда и с пенсией, недостойной работника ратного труда.

Наряду с ними служила еще одна часть кобелей – молодые офицеры, мечтающие стать генералами, без помощи папиков и маменок – этих было меньшинство. Сейчас могу заверить, таким генеральские лампы не светили. Но мечты – это такое состояние мыслей, когда желаемое, кажется возможным. Эх, мечты... Как вы понимаете, я состоял в последней, самой не перспективной категории. С точки зрения разума. Мой папаня, сука, генералом не стал. И закончил службу старлеем. Тоже ждало и меня. А ведь мог, кобелина эдакая, трахнуть какую-нибудь дочку генерала, как это удалось моему бывшему командиру 186 полка Смирнову. А там глядишь, и заканчивал бы жизнь генералом. Эх... папаня, папаня... Испортил всю мою военную жизнь.

Длинное одноэтажное здание первого батальона напоми-

нало подводную лодку с окнами, готовое к погружению. Взлетев на крыльцо, чуть не столкнувшись лбом с замполитом батальона капитаном Киселевым, я, благоразумно обойдя практически не преодолимое препятствие, вошел в казарму.

Времен Л. И. Брежнева она представляла собой помещение, в котором располагалась вся рота или батарея на койках, стоявших в два яруса. Каждый божий день командиры подразделений проводили его проверку на предмет мусора и правильности заправки постелей, на которых нужно было выровнять линии на одеялах.

Все должно было быть однообразно. Как прически солдат. Как мысли. Выправлено и поглажено специальными гладильными досками. Батарея всегда в этом соревновании из четырёх подразделений занимала призовое место не ниже третьего.

Я двинул на право, в расположение минометной батареи, где слышался голос командира батареи капитана Князева Юры – махрового создания без перспектив, из сообщества «карьеристов». Свое тридцатилетие бравый капитан отметил в должности командира батареи, чем безусловно гордился. Понимая, что это потолок его карьеры, он и не стремился к большему, отравляя жизнь солдатам батареи придирадками и нравочениями, не стесняясь пинать наиболее медлительных, с точки зрения скорости перемещения в пространстве индивидуумов, сапогами. Остальные свернули налево.

– О, лейтенант Котов. Постреляем? – увидел он меня.

Любимым развлечением, уже выпившего Князева, была стрельба на ПУО – это такая хрень – прибор управления огнем, на котором отрабатывались боевые задачи по уничтожению мнимого противника. Любимая игрушка, которой он владел мастерски. Ну и как иначе, коли в течение последних восьми лет жизни это был его единственный инструмент, ставший практически частью его самого.

– Так, боевая тревога.

Его главным объектом, с которого он мог сорвать куш, выиграв то или иное упражнение в стрельбе, был я. Точнее мой карман. Как правило, итог был известен заранее, так как молодой офицер мало что понимающий в боевой стрельбе, даже тот, кто имел твердую пять по данной дисциплине в училище, пытавшийся правдами и неправдами доказать, что и он чего-то стоит. Именно СТОИТ. Ибо цена поражения была одна – бутылка вина, или пива. Рассчитаться за проигрыш следовало мгновенно, но я благодарен этому засранцу, что он научил меня стрелять не по уставу, но быстро.

– Забыл... извини..., – он опустил голову, и вдруг, что-то вспомнив, уже более трезвым голосом произнес: «А представляться, кто будет? Учили в училище?»

Называемое ныне явление «дедовщина» в полку была частью системы боевой подготовки, на которой строились и методы наказания. Отслуживших менее года солдат не использовали разве что на строительстве генеральских дач, но то-

гда и генералы не были столь хамоватыми, ибо существовала какая-никакая система, контролирующая допуск к генеральским погонам. Одна из них – малое количество генеральских детей женского пола.

Таких, как Князев – возрастных служителей культа под названием советское офицерство, в батальоне (не считая прапорщика Акимова, но он не в счет – прапор), было трое. Капитан Князев, капитан Косинов Вова – командир первой роты – такой же карьерист и демагог, а также его замполит старший лейтенант Шорников, уже пять лет сидящий на одной и той же должности, тогда, как другие выпускники Новосибирского политического училища давно уже были замполитами батальонов. Эта троица настолько слилась в переплетающимся войсковом экстазе, что отличить одного от другого было практически невозможно. Даже трезвому. И только по фамилии.

– Товарищ капитан, лейтенант Котов по вашему приказанию прибыл.

– То-то, – тут он поднял на меня глаза, – Боевая тревога. Бо-е-ва-я! Впервые за мою службу, – выпученные зрачки командира застыли на уровне моей груди и смотрели отрешенно, чуть тоскливо, хотя я в них разглядел страх, но вида не подал. В чуть навывкате пугливо бегающих глазах, с поволокой нескрываемого желания глотнуть алкоголя, светилась такая грусть, что густо покрашенные зелёным цветом стены каптёрки представлялись апофеозом пофигизма.

– Что мне делать? – спросил я.

– Готовься принимать пополнение, – Князев заплетающимся языком выговорил не сложную фразу, когда и с кем ему удалось приложиться к бутылке – тайна за семь печатями, а посему приказы он отдавал быстро, глотая окончания, отчего понять его было крайне сложно. Но он любил повторять, пока собеседник не уловит суть.

Выходило, что наша первая минометная батарея разворачивалась до штата военного времени. Значит, у нас будет как минимум три офицера, и пара прапорщиков. Мне давно хотелось послужить в развернутой батарее, да и вероятность военных приключений, будь они неладны, грело душу.

В этот момент в помещение казармы стало входить пополнение, до сего момента прозябающее на плацу, мимо которого мы недавно прошли, наполнив его шумом и гамом, скрипящими сапогами и даже запахом сигаретного дыма, которого я терпеть не мог.

Их называли партизаны, и это было самым метким словом, кратко характеризующее призванных из запаса бухгалтеров, рабочих и колхозников, на военную службу. Еще не понимающие, зачем они здесь оказались, партизаны, тем не менее, пытались скрасить свой быт хоть каким развлечением, главным из которых была беседа.

Батарея растолстела до семидесяти пяти человек. Это было хорошо. Внутренний мандраж исчез как-то сам собой, оставив место для подготовки к войне. Тому, чему нас и учи-

ли в училище. Впрочем, это сильно сказано, так как всему, чему нас учили, практически не понадобилось в Афганистане, куда мы, собственно, и направлялись. Но пока это являлось военной тайной.

– В подразделении находится постоянно. Никуда не отлучаться. Это приказ! – голос Князева, прерываемый неожиданно возникшей икотой, старался быть твердым. Но не получалось. Язык сопротивлялся.

– Ясно, но если хочется, то можно, – добавил мой внутренний голос.

– А теперь – разгребай навоз, – он кивнул в сторону пополнения, заполнившее казарму, и я, щелкнув каблуками как Штирлиц, выходящий из кабинета Бормана, покинул каптерку, в мирное время имеющая устойчивый статус пивного бара, в военное превратившись в опохмелительное заведение.

Окруживший меня гул за линией отделяющую помещение каптерки от казармы, напоминал рев турбин самолета и потихоньку стал давить на уши. Старшина распределял военное имущество, командиры взводов знакомились с пополнением, распределяли места на койках, выдавалось белье и в штатные книги вписывались новые имена. Кое-кто из партизан лежал в сапогах на кровати, кто-то уже спал, не обращая внимания на общую суматоху казармы. Я незаметно нырнул в этот мир с головой, чувствуя, как течением меня несет в самые глубины военного быта.

Ближе к двум ночи все утихомирились, но, ненадолго. Подъем назначили на 6 утра. Как и положено в армии. А пока бойцы готовились ко сну, офицеры курили у крыльца, делясь первыми впечатлениями от сей оказии, разминая языки.

– Захожу, бля, в казарму, а там, один пилит другого...., – глубокая затыжка неизвестного мне капитана ненадолго прервала его рассказ.

– Это как «пилит»? – не понял я.

– Это когда один пидор, пристраивается к другому, – заржал старший лейтенант Кондратенков, здоровый парень с не менее здоровым чувством юмора замешанного на оптимизме.

– Сам, будучи пидором, – замечает кто-то.

– А тут – дежурный по полку...., – рассмеялся еще один офицер в звании майора.

– И картина Репина «Приплыли»....

Жизнь в СССР была лишена того шарма, в котором мы все окажемся спустя тридцать лет. Это сейчас «пидоры» вроде как не «пидоры», а особая часть мужского человечества замешанная на древних традициях крестовых походов, в которых роль женщины играли кони, рабы и братья по разуму. А тогда наиболее ответственная часть русского офицерства категорически не воспринимала однополые отношения, переходящие в мордобои.

– Так, господа офицеры – по конюшням. – Это Перевалов – мужественный, как вся Советская армия времен СССР.

Но главный бой своей жизни он пропустит.

– Завтра выход в 6.00. Никому не опаздывать. А сейчас всем спать.

Спать, так спать. И я медленно, в окружении таких же холостяков потопал в сторону общежития, заждавшегося своих обитателей. И если тогда меня и мучили сомнения, то их я практически не замечал, зная, что уж в Советской армии чувство локтя и взаимовыручка были если не главным, то уж точно числились в приоритетах. Как же я был глуп.

С утра жизнь закрутилось по-новому. И с большей скоростью. Весь полк напоминал гонки болидов «формулы 1», на первый взгляд абсолютно броуновское движение, но, полностью подчиненное некому заранее заданному, из штаба полка, алгоритму. Старшина получал оружие со складов. Боеприпасы. По четыре боекомплекта. Технику прогревали, и, если та отказывалась работать, меняли всё. И даже двигатель, для чего заполняли соответствующие формуляры. Впервые любой запрос на запчасти выполнялся мгновенно. Такого не было ни разу, со слов Князева, за всю его предыдущую службу. К исходу вторых суток выпал снег и асфальт покрылся белым полотном, отдаленно напоминающим флаги капитуляции.

Старшие офицеры метались между парком и казармами, пристально следя за действиями нижних чинов, но, практически не вмешиваясь во внутреннюю деятельность последних. Кое-где, попадались генералы, но они просто наблю-

дали, соблюдая нейтралитет. Однажды мне пришлось увидеть бегущего, куда-то, генерала. Но, ни панику, ни смеха его неловкие потуги не вызвали. И это было странно, т.к. в мирное время бегущий генерал должен вызывать смех, а в военное – панику.

– Товарищ лейтенант, вас вызывает в парк майор Титов, – это очередной посыльный принес добрую весть. – Опа-на, – высказалось мое второе я. Что ж, такова доля молодого офицера, огребать за просчеты капитанов. За автомобили отвечал именно командир батареи. Но, как я догадался, тот просто решил упасть «на дно», как говорят разведчики-нелегалы, скрывшись в бункере под названием каптёрка. Исчезнув из поля зрения как минимум у всего начальства батальона. На всякий случай. Ибо в мирное время самым главным поступком опытного офицера было вовремя слинять.

Парк боевой техники стоял неподалеку от расположения казарм, если по прямой, но идти приходилось, делая крюк вдоль невысокого бетонного забора, который, впрочем, легко преодолевался в три приёма.

– Все машины на ходу? – майор Китов – заместитель командира батальона по технике, иначе зампотех, был плотен в плечах, с солидным брюшком и вечно брезгливой мордой с красным носом, до того безобразным, что даже известный актер Жерар Департье мог позавидовать ему. Говорил медленно, используя в предложениях минимум слов, необходимых для понимания его мысли. А мысли его крутились во-

круг одной единственной цели – бутылке водки. Пожалуй, это была единственная деталь в автомобиле, которую он по-настоящему ценил. Скажи ему, что водка – не часть автомобиля, он бы умер от инфаркта.

– Ещё не проверял...

– Какого, товарищ лейтенант вы не проверяли автомобиль? – сквозь его редкие зубы выползла фраза, отразившая весь его умственный потенциал стоящий на фундаменте всего его армейского опыта.

– Принимал пополнение...

– Я сейчас тебе приму пополнение... Быстро завести автомобиль и доложить мне через полчаса, что техника готова к маршу.

В тот момент, его кун-фу было круче моего.

– Есть, – хмуро ответил я и оглянулся по сторонам. Парк боевой техники, где мы находились, располагался сразу за стенами части. Боксы, с автомобилями ГАЗ-66 минометной батареи были последними, сразу за ними располагался склад боеприпасов. И если боксы пехоты напоминали новогоднее торжество, своей беготней, криками, и другой имитацией военной деятельности, то наши – поминки. Тишиной и покоем.

– Командира батареи вызвали? – спросил я у одного из водителей по фамилии Корнач. Прибалтийца, говорящего фальцетом. Иногда мне казалось, что еще в детстве ему отрезали яйца, предопределяя его будущую профессию опер-

ного певца. В высоком и неуклюжем младшем сержанте чувствовалась и прибалтийская лень и прибалтийская грусть. Да и певца из него не получилось.

– Вызывали. Его нигде нет, – соврал собеседник. И я это понял. По интонации. По глазам.

– Да я с ним только что..., – махнув рукой, еще не совсем понимая взаимоотношения внутри коллектива, я откровенно разозлился. Было на что.

Не прошло и двух месяцев, как меня перевели из Талды-Кургана – районного центра. Из одного полка в другой. Тогда было радостно – столица все же, но сейчас по-настоящему жалел об этом.

На самом деле командир батареи пил. И я это видел. В каптерке. С утра. И ему, по большому счету, было наплевать и на батарею, и на майора Китова в первую очередь, но технику действительно надо было готовить. Война... Помните?

– Ладно. Заводите машины. Прогрейте минут пять, – стараясь сдерживать эмоции, ответил я, – О неисправностях доложите.

Еще через пять минут площадка со стоявшими автомобилями скрылась в сизом дыме выхлопных газов. А еще через десять командир отделения тяги составил мне список необходимого оборудования для полной комплектации ГАЗ-66 к маршу.

Далее была погрузка, которая особыми событиями не за-

помнилась, не считая двух задавленных бойцов из пехоты. Но были они не из нашего батальона, и поэтому особых эмоций сие событие не вызвало. Так, мелкий штришок из жизни армии.

Марш: Алма-Ата – Афганистан

Если кратко – самый пьяный марш в моей офицерской биографии, хотя и не длинной, но наполненной такими сочными событиями, что вполне мог сойти год за три. Как на фронте. Пили все. Партизаны, призванные из запаса, чтобы утопить свой ужас, офицеры – потому так принято и потому что тоже не уютно, ибо алкоголь стирал грань между чувством долгом и страхом настолько сильно, что страх погружался в долг также быстро, как долг в страх. Солдаты срочники пили втихарика, и в основном старослужащие, но последних, ловили и пинали сапогами, не отходя от кассы, там же, в поезде. До полного протрезвления. Как правило, в тамбуре. Под лекцию замполитов. Стараясь не оставлять следов. Ни на лице, ни на жопе.

Страшное происходило тогда, когда литерный состав останавливался перед переездами на пару минут. Если неподалеку маячил сельпо – его брали штурмом, вычищая прилавки до зеркального блеска. Магазины делали месячный оборот за пару часов. Лишняя водки – тьфу, какой водки? – «Солнцедара» – крепленого вина, которое продавалась везде, куда ни кинь глаз. По слухам, если после выпитой бутылки солнечного напитка помочиться на забор, от него останутся одни гвозди. Покупали, как правило, все что горит. Еще более страшным было видеть, как шатающиеся от алко-

голя партизаны, успевавшие за столько короткие сроки приложиться к горлышку, запрыгивали на ходу в поезд, держа в обеих руках по несколько бутылок. Если бы кто-то попал под колеса, одной смертью бы это не закончилось.

Тогда пронесло...

Я стоял в тамбуре, контролируя выбежавших в ближайший магазин партизан из миномётной батареи, лишь на пару секунд застывшему перед семафором. И тут состав дернуло, заставив схватиться за поручни, и стал набирать скорость.

– Товарищ лейтенант, помоги, – бегущий за тронувшимся вагоном партизан из пехоты сжимал четыре бутылки по две в руке, и попасть в поезд мог лишь по теории вероятности. Это был уже не трезвый, но пока не пьяный боец лет тридцати пяти с брюшком, напоминающий борцов сумо. Есть такая борьба в Японии – побеждает тот, у кого больше пузо.

– Давай....

Он протянул мне бутылку, что позволило ему ухватиться кистью за поручень набирающего обороты вагона. Когда сапоги коснулись подножки, он перевел дух.

– Ну, бля, думал мне писец – это такая птица. Спасибо, товарищ лейтенант..., – проговорил он, как вдохнул, чувствуя себя победителем как минимум чемпионата Мира по бегу за поездами.

– Ладно. Поосторожней с этим, – я указал на бутылки. – Чтоб комбат не накрыл.

– А вы не будете?

Я покачал головой. Не люблю спиртное. Пока. Еще жив. Но неожиданный толчок в спину заставил обернуться. Толкнувший меня боец, друг почти отставшего от поезда, кого-то мне напомнил. Ну конечно, это был парень из Алма-Аты, казах, который врезал мне в челюсть пару месяцев назад. В ватнике его было узнать трудно. Но мне удалось. По глазам, такими же, как тогда. С поволокой начинающего алкоголика.

– лейтенант! Я тебя сразу признал. Как звать? – его радости от встречи со мной и принятого алкоголя не было предела. В какой-то момент, мне показалось, что он был готов пуститься в пляс, который остановил мой строгий ответ.

– лейтенант Котов.

На мгновение, он замер, но видя, что я не собираюсь продолжать, расслабился.

– Слушай, а ты мне тогда здорово заехал. Уважаю... Колян, помнишь я рассказывал, как мне въехал по роже офицер?

Колян, тот, что догнал поезд, уважительно осмотрел меня с ног до головы. Судя по интонации, офицеры нашей части никогда ему не напоминали 28 панфиловцев.

– Это он, точно говорю. Тащи лейтенанта к нам. За знакомство... А? – умоляюще, посмотрел он в мои глаза, а я в его. И все понял.

– Ладно. Пошли, – это был мой первый стакан вермута в жизни. С тех пор я его не пил, не пью и пить не буду, даже в том случае, если замучит жажда. Лучше ослиную мочу.

Говорят, если после пьянки вермутом помочиться на деревянный забор, от него останутся только гвозди.

Позднее говорили, что кто-то из партизан отстал от состава. Приписанный к первой роте, его, судя по слухам, через месяц судили за дезертирство. Получил пять лет. Считай, не боевая потеря. Третья по счету. Двоих задавило при погрузке бронетехники в полку. Сколько еще будет таких ненужных потерь? Ровно столько, сколько необходимо для получения подразделению «Ордена Ленина», а кое-кому и генеральского звания. Но тогда я об этом не догадывался.

Поговорив с партизанами о бабах, драке и пьянках, я вернулся в свой офицерский вагон чуть навеселе, но никто вида не подал. И сразу завалился спать.

Вечерело. Под стук колес слипались глаза. Мое место – на второй полке. Внизу Князев и гости из первой роты. Косинов, Шорников, и конечно прапорщик Шатилов, которого определили в батарею по его же просьбе. Ибо они с Князевым давно были, как Чук и Гек. Неразделимые сиамские близнецы на фундаменте алкоголизма и воровства армейского имущества. Дробный перестук колес тянул на дно сновидений. Там во сне, я шел наперевес с красным знаменем и криком «ура» сбивал наземь охамевших фашистов. Бежал в штыковую атаку, поднимая за собой десяток бойцов. Визжал, протыкая их штыком насквозь.

– Эй, Котов,хвати орать..., – доносится снизу.

О, это Князев. Ладно. Не буду. Ибо фашистом мы все рав-

но победим. А пока за окном мелькает Казахская степь, ровная как наши мысли, бесконечная, как служба. Сквозь которые слышатся голоса.

– Давай, чтоб все вернулись живыми, – капитан Вова Косинов поднял стакан, наполовину пустой, и чокнулся с Князевым, Шорниковым и Шатиловым.

– Давай...

Лет, эдак, за сорок. Высокий. Прапорщик Шатилов – старшина батареи обладал странной походкой, какую приобретает человек всю жизнь таскающий тяжелые мешки. Мне не нравилось, что он нещадно обирал солдатиков в дни полочки, которые не могли огрызнуться. Но сделать ничего не мог. Себе в помощники – каптёрщиком, взял такого же, как сам вора. Отбирать деньги у солдат – не самая прибыльная статья дохода, но она гарантировала ежевечерние пьянки с участием почетных гостей первой роты. Ну, право, не из собственной зарплаты же покупать алкоголь, чтобы напоить капитана Косинова?

Этот прапорщик все делал из подволя. Что б было меньше шума. Всегда заставлял, уже в Афганистане, расписываться бойцов перед операциями в денежной ведомости, но никогда не раздавал деньги, разумно считая, что кто-то до полочки не доживет. Делился с Князевым. Поровну. Один труп – 50 на 50. Всё честно. «По офицерский».

М-да... Этих так и тянуло друг к другу. Как двух вампиров, сосущих друг у друга.

Но, кажется, я тороплю события... Ибо самое интересное впереди, но то, что происходит сейчас, позднее журналисты назовут «делали историю», но мне на неё тогда было наплевать.

Мне не наливали не потому, что спортсмен, просто кто-то в подразделении должен быть трезвым. В этот момент состав качнуло, и часть водки вылилась на стол, но бравый капитан Косинов не растерялся, и мгновенно слизал маленькую лужицу со стола, и лишь затем влил в глотку то, что осталось в стакане.

– За Брежнева!

– За Родину!

Звуки работающих глоток, перекачивающих белую жидкость в желудок, на некоторое время заполнили относительную тишину кубрика. Закусили белым хлебом, густо помазанным баклажаньей икрой синеватого цвета. Хорошо!

Не проходило и дня, чтобы эта четверка не пила. Пили много и сразу. Не закусывая. Топя страх в стакане с водкой или вином. Пьянки сопровождались обильным курением. Просто не продохнуть. Лично для меня тот марш обернулся, как для Джордано Бруно – костром, иначе – пыткой. Именно в те моменты я понимал, какого было евреям в Освенциме.

В соседнем вагоне расположилось батальонное командование с прислугой. Шестерки из числа рядовых спали в соседнее купе, стараясь всегда быть под рукой. Были они ха-

моваты, опрятны, высокомерны и слово «солдат» с натяжкой подходил к ним, скорее – жополизы. Их боялись и ненавидели. За близость к начальству. За безукоризненную чистоту одежды. Эти легко меняли фразы в боевых приказах, а также одну фамилию на другую. Как правило – на свою. Если приказы были о наградах.

Командир первого батальона капитан Первалов, высокий и сильный мужик, по информации капитана Князева не кончал военного училища, но оставшийся в армии по призванию души, был человеком решительный, физически крепким, с приятным лицом и разумным слогом, отдавал приказы четко, с уважением к подчиненным. Не опускался до матерного оскорбления, даже в критические моменты жизни. В общем, был офицером толковым. Позднее я узнал, что был он той самой «военной костью», о которой любят посудачить историки, профессиональным военным. Я помню, с каким уважением он пожал мою и старшего лейтенанта Володи Кондратенкова ладонь, уже в Афганистане в районе Асадабада, недалеко от границы с Пакистаном, когда мы со своими бойцами уходили на операцию по захвату душманов, которые (по данным разведки) должны были в ночь пройти по тропе, ведущей к границе. Куда мы все сейчас, в общем-то, и направлялись.

Когда батальон стоял в Алма-Ате, единственный из старших офицеров мог поставить на место и Князева, и Косинова – двух батальонных старожил, впрочем, второй был бо-

лее смекалист, а первый, как мне казалось, всего лишь хотел, пия водку сачкануть от фронта. Не удалось, хотя некоторым прапорам из части везло. Ту очередную пьянку Князева Перевалов предотвратил, выломав ногой двери каптерки, за которой укрылся уже «тёплый» командир минометной батареи, только-только вскрывший очередную бутылку с водкой, но успевший основательно приложиться к горлышку.

Это один из немногих старших офицеров, с кем встреча была бы для меня приятна.

Как и все батальоны советского периода, первый состоял из трех рот, минометной батареи, хозяйственного взвода, взвода АГС, штаба батальона. Штат военного времени составлял почти 400 человек личного состава, кучу вооружения и техники, офицерский корпус, включающий (дай Бог памяти) более 20 человек, в том числе и прапорщиков.

Загрузившись в эшелон, 27 декабря 1979 года мы тронулись в путь длинной в жизнь, не предполагая, что большинство из нас или погибнет в бою, или получит ранения, или... да что говорить. Но, ни один не сможет вернуться к мирной жизни, и до самой встречи со старухой Смертью будет помнить те годы так, словно они пронеслись перед глазами лишь вчера, как самые лучшие в жизни.

Это было славное время. Время больших надежд и приключений. Великой дружбы и братства. Время ожиданий и свершений. Чудное время молодости. Мы все жили ожиданием чего-то великого, в котором наши имена займут до-

стойную строчку в истории страны, мы верили в удачу и наши вооружённые силы, в Брежнева и наше Правительство. В Министра обороны и советский народ, названный после Великой отечественной – победителем. Мы все были частью того народа.

Литерный, пронзая пространство, мчался к своему финалу. На редких остановках толпы неконтролируемых «партизан» мчались в магазины, запасаясь водкой, пивом и кагором, от чего дух в вагонах стоял настолько терпкий, что без противогаза к личному составу практический не пробраться.

Призванные на военную службу резервисты, окончательно забывшие на гражданке что такое дисциплина. Чем-то, напоминая армию батыги Махно времен Гражданской войны – немного озверевшие, чуть пьяные, абсолютно неконтролируемые и безрассудно храбрые, они могли бы стать тем стержнем, который поставит на колени любое государство, вставшее на нашем пути к миру. Но пробыли они в Афганистане не более двух месяцев. Чем спасли его от полного разграбления.

В нашем закутке пьянка давно стала частью этого путешествия. И старший лейтенант Шорников, и капитан Косинов с удовольствием распивая очередной пузырь, делились мыслями по конечному пункту, все чаще останавливаясь именно на Афганистане, как наиболее приемлемой части планеты, где присутствие советских войск была крайне необходима. Но тут разразилась революция в Иране, и мысли мгновенно

перекочевали в ту сторону.

Командир первой роты Косинов. Нахальный, как всякий офицер, пересидевший на своем месте три срока, чем-то смахивая на гусара Екатерининских времен или на поручика Ржевского из анекдотов, знал все, о чем бы его не спросили. Ему не откажешь в смелости, но вот с правдивостью и совестью он не дружил. В общем, настоящий барон Мюнхаузен из Казахстана, и даже чем-то был на него похож.

Роста не более 175, сухой и подвижный, из него мог получиться хороший артист цирка, после стакана алкоголя рвался в ротный вагон с бойцами изображать интенсивную работу. Делал замечания. Ставил задачи. Отменял ранее поставленные задачи. Солдаты таких любили. Если откровенно, его забота о бойцах впечатляла. Для них он был и отцом, и матерью, и тещей, и дедушкой с бабушкой и братом и сватом, и милицией, и прокуратурой, и судом Линча. В одном флаконе.

И очень хотел получить медаль или орден. Лучше второе и побольше, некоторым, и ему тоже, это удалось.

Начальником штаба батальона служил старший лейтенант Олейнич (прозвище Олень) и этим все сказано. В дальнейшем стал комбатом и капитаном. Ничего примечательного. Ничего выдающегося. Армейская серость. Не все его любили, да и я, как помню, не слишком его уважал.

А вот зампотех батальона был человеком неординарным (в худшем понимании этого слова). Таких редких зубов, как

у него, я не видел даже в фильмах про вампиров. Был страшен не в гневе, а своей улыбкой. Мог выпить литр водки и не моргнуть глазом. Пил. Много. В одиночку и в паре. Любил падать на «хвост». Майор Титов Виктор Никитович обладал всеми чертами приближающегося дебилизма. Но Советской Армии именно такие зампотехи и были нужны. Прямые, как траектория полета лома в безвоздушном пространстве. Свирепые, как зомби.

Когда в Алма-Ате я принес ему список необходимых запчастей к ГАЗ-66, он внимательно прочитал его и, положив перед собой на стол, сказал:

– К завтрашнему дню чтобы все было, – уставился на меня, так, как это умеет только он. Баранам следовало поучиться.

– А где я их возьму, – удивился я.

– А мне по фу-фу. Иди на базар и покупай на зарплату.

Следующим в списке числился замполит Киселев. Имени не помню. По званию, по-моему – капитан. И всё. Отличился один раз под Тулуканом. Ловко изменив приказ командира батальона Перевалова о награде. Но об этом позднее.

Иванников Николай – старший лейтенант. Командир взвода АГС. Огромный и физический сильный мужик. Именно мужик. На таких – держится армия. Такие, стоят до конца. Такие, умирают с улыбкой на глазах. Был ранен в ногу в районе Тулукуна (север Афганистана). Отправлен в Союз, так и не повоевав по настоящему.

Гапаненок Витя. Старший лейтенант. Человек подвижный в кости. Смелый, до безумия. За 6 месяцев боев, из командира взвода стал командиром разведывательной роты 66 бригады. Под Тулуканом уничтожил во встречном бою более 50 бандитов, был приставлен к званию Героя Советского Союза. Не получил. Жаль. Человек выдающийся. Хитрый. Умелый. Неординарный (в лучшем понимании этого слова).

Именно он впервые стал переодевать своих разведчиков в душманскую одежду, отчего было удивительно видеть духов с автоматами, разгуливающими посреди плаца.

Лейтенант Игорь Свинухов. Замполит второй роты. Смел и честен. Сейчас полковник. Уволился. Единственный в моей жизни замполит, кого можно назвать ЧЕЛОВЕКОМ со всеми большими буквами в слове.

Старший лейтенант Кондратенков Володя. Прозвище – Кондрат. Русский мужик из былинных сказок. Смел, мужественен. Бал ранен в голову, но сохранил ясность мысли. Красив по своему. Был любим бабами из медроты. Работая с ним, всегда можно было быть спокойным. Не подведет. Выдюжит. Поможет в беде. Никогда не терял присутствия духа. Единственный раз я заметил в его глазах слезы, когда его девчонка из медицинских сестер погибла, перевернувшись на машине. В Афгане.

Сергей Заколяжский по прозвищу Зэк. Старший лейтенант. Смел, решителен. Но, по моему, сейчас излишне замкнут. Не знаю, как сложилась его жизнь после Афгана,

но уверен, он честно выполнял свой долг офицера. А тогда он показался мне если не хлюпиком, то уж точно паникером. Рад, что ошибся. Такому жизнь я —бы доверил. Вот только жаль, что он умер, так и не прочитав эти воспоминания.

Старший лейтенант Солод. Об этом говорить не хочется. Есть причины.

Капитан Какимбаев – командир третьей роты личность если не выдающаяся, то близко к ней стоящая. Говорил быстро, переходя в запале на казахский язык, отчего было непонятно, толи хвалит тебя, толи ругает. Пожалуй, лучший командир роты на тот период, когда я служил в первом батальоне.

Прапорщик Кикилев – шеф-повар батальона, иначе нахозчасти. Отвечал за питание и другие хозяйственные работы в батальоне. Мужиком был неплохим. Хоть и толстым. Но, такова работа.

Одного из взводных 1 роты Игоря Баранова помню до сих пор. Он умер в 2008 году. Он до конца жизни считал меня человеком, спасшим его жизнь. 11 мая 1980 года. Но об этом позже.

Замполит 1 роты – старший лейтенант Шорников. Коля был хорошим парнем. И хорошим замполитом. Спокойным, вдумчивым. Порядочным. Семейным. В драках не участвовал. Пил, как правило, с Князевым и Косиновым. С ним было приятно поговорить. И внешне он был человеком приятным в общении. Но он не был воином. Бойцом. Человеком

мужественным, готовым на самопожертвование. Жаль.

Именно в трудной ситуации проявляются качества человека, которые в обыденной жизни скрыты для постороннего глаза. Смелость или трусость. Мужество или страх. Твердость или слабость. Бой, он как лакмусовая бумажка, показывает, чего человек стоит. И стоит ли. Ни профессия, ни образование не влияет на его сущность. Это или дано природой, или нет.

Можно всю жизнь изучать боевые искусства, но не стать бойцом. По-японски – самураем. Пытаясь понять, всю суть этого слова, я считал, что, изучая единоборства все же можно превратиться в самурая. Но при одном условии. Если пройдешь горнило войны. Спустя десятки лет утверждаю. Только если... И не иначе.

Позднее, уже в других горах, я встречал таких садистов, что от одного их вида кровь стыла в жилах. Однажды на моих глазах зарезали человека. Резали долго. Около часа. Только потому, что он был иной национальности. Человек, зарезавший другого, по специальности, был рабочим. То ли слесарь, то ли токарь с б механического завода, стоящего рядом с метро Дидубе в г. Тбилиси. Так случилось, что я проходил на этом заводе практику после окончания профтех училища в 1975 году.

Да, не профессия красит человека, а деяния его. К чему это я... А к тому, что путь, по которому ты шагаешь по жизни, мне кажется, предreshен свыше. Не обязательно

призвание быть офицером – значит, стать воином. Среди этой среды много трусов, подонков, да и просто сволочей. Как и в среде любых других человеческих сообществ. Главное, что у тебя внутри. Из чего ты замешан. Насколько чиста твоя Совесть.

Не удивляйся, если тот, кто смотрит на тебя с высоты, порой откровенно издевается над тобой, бросая в ту или иную заварушку, и наблюдает, как ты оттуда выберешься. Это карма, как говорят индусы.

Да! С батальоном, кажется, закончили. Кого не назвал – извините. Не помню.

Тем временем пьяный литерный поезд на всех парах приближался к государственной границе СССР. Саперные батальоны начали наводить понтонные мосты через Амударью. Первые разведывательные подразделения советской армии уже рыскали по афганской территории, проводя рекогносцировку местности. Президент Афганистана Файзулла Амин еще не подписал прошение к Правительству СССР о военной помощи, а вооруженные силы великого соседа уже сосредотачивали бронекулак у южных границ в готовности совершить бросок к Кабулу.

Президент Файзулла Амин чиркнет себе приговор 25 или 26 декабря, спеша на встречу с любовницей, коих имел как иной хан по несколько штук, под разное настроение. Именно тогда, когда количество гормонов в его теле зашкалило за критическую отметку, наш человек из ПГУ КГБ СССР

в его роскошном дворце сунет ему подготовленное нашими же людьми воззвание к СССР об интернациональной помощи. Этот дуралей подпишет его не читая, практически приговор себе.

«Альфа» выполнит приказ на грани невозможного, отправив к праотцам Президента страны, попросившей у нас интернациональной помощи для борьбы с личными врагами, которые при нём автоматически становились врагами государства.

Чуть позднее, чтобы успокоить общественное мнение, КГБ подготовит фальшивку о якобы постоянных просьбах Президента Афганистана, обращенные к Правительству СССР с просьбами оказать помощь войсками, так как противники его режима, коммунистической ориентации, якобы постоянно готовят ему разные гадости. Задушивший своего предшественника Файзулла, получать гадости не любил. Но часы истории были заведены. Войска готовы. Ждали повода.

Это должна была быть маленькая, но победоносная война, страны победившего социализма.

Новый 1980 год мы встретили в чистом поле в палатке. На границе с Афганистаном. При температуре минус десять градусов. Грязные, как уличные псы. С трясущимися конечностями от отходняка, который всегда сопровождает похмелье. Три дня ожидавшие самую главную команду в своей жизни.

Афганистан 4 января 1980 года

4.00. Афганистан встретил нас безветренной погодой, какие не часто бывают в середине зимы. Минус десять и почти никакого снега. Холодно. Включаю печку в своем ГАЗ 66. Хотя командир батареи Князев требует, чтобы на марше водитель и старший открывали окна, я внутренне протестую против тупых приказов, позволяя механику-водителю рулить при герметизированной кабине.

Въезжая на понтонный мост, чуть раскачивающийся под тяжестью советской армии, я начинаю чувствовать нереальность происходящих событий, неожиданно охватившую меня с ног до головы. Машина, зажата между двумя БМП-1, идущими по-боевому, раскачиваясь преодолела середину понтонов. Не страшно. Скорее интересно. Мерно катит стальные воды Амударья, по которой проплывают наши надежды. Вот и афганский берег. Между ногами рация – р-109. Постоянно прослушиваю эфир, как верующие муллу.

– Все нормально, приём, – отвечаю на голос капитана Князева, спросившего, нормально ли все. А что будет-то с сильнейшей армией мира, вторгшейся на территорию суверенного государства, которое можем раздавить мизинцем. Но на тот момент и мне и всем в колонне плевать на такую чепуху. Если скажут, дойдем до Бенгальского залива. Вот и берег противоположный.

Справа пограничный пост афганцев. Национальный флаг на шесте, от которого веет безысходностью. Будка в черно-зелено-красных тонах афганского флага и рядом одинокий солдат в мышинной шинели отдает честь. Руку держит часов пять, пропуская колонну советских войск, иногда опуская её, чтобы привести в порядок кровообращение мышц. Стоит как оловянный солдатик, на бугорке из серой земли, смерзшейся до гранитной твердости. Лет ему не более восемнадцати. В глазах удивление и немного страха. Ловлю его взгляд. В них пустота.

Мой внутренний голос также, как и я, зачарован страной и молчит.

Утро. Солнце еще не взошло, но светло и видна каждая трещинка на сером асфальте, уже подпорченном траками танков, ползущих впереди. Людей не видно. Словно все вымерли от неизвестной болезни. Открыв пошире глаза высматриваю свою первую границу.

Дома бедные, как у нас на Украине времен развитого социализма и даже хуже, в основном, одноэтажные из глины. На крыше – доски, оббитые чем-то вроде гудроном. Некоторые обмазаны той же глиной, из чего делали стены. Стекол нет. Точнее есть, но такие маленькие, что хочется плакать от умиления. Бедность чувствуется в каждом порыве ветра.

Марш надоедает и постоянно тянет в сон. Снятся в основном бабы. Оттого член стоит, как телеграфный столб, ме-

шая сосредоточиться на боевой задаче. Монотонность пути въедается в кожу и глаза как-то сами собой слипаются в короткой дрёме. Уже два часа, как наш 186 полк оказывает интернациональную помощь Демократической Республике Афганистан. Но ни цветов радости, ни торжественных речей командиров не видно и не слышно. Говорят, что они сами попросили нас о помощи, и мы, как бы в ответ на их просьбу оккупируем их.

Ела ли меня тогда совесть? Нет. Она притаилась где-то глубоко внутри, обещая когда-нибудь выйти из тени иных, овладевших меня тогда эмоций. Да. Чтобы Совесть, наконец, проснулась, потребовалось несколько долгих лет. Но у некоторых она до сих пор спит, а может и издохла давно. Но, скорее всего хозяин её просто удавил своими руками. Сам. Еще тогда, в далеком 1980 году. Чтоб не возникла неожиданно на каком-нибудь ветеранском форуме в честь вывода советских войск из ДРА. Лет, эдак, через двадцать.

Полк шел на город Тулакун. Это на севере Афганистана. Там восстал против нашего вторжения артиллерийский полк, получив соответствующее распоряжение Президента своей страны. Мы должны были его усмирить. Заодно освободить наших советников, к тому времени зарезанных ими. То есть мы должны были разгромить подразделение национальной афганской армии, Правительство которой попросило у нас военной помощи. Тогда это называлось – весьма странным названием, смысл который было сложно понять.

Шли двое суток и к исходу третьих, пройдя несколько населенных пунктов, взяли, наконец, Тулукан. Практически без боя. И стали табором на его окраине неподалеку от расположения того самого восставшего артиллерийского полка. Встречавшихся по пути одиноких местных жителей, в странных одеждах, мало походивших на мятежников, да и отношение к ним было в основном дружелюбное, провожали радостным помахиванием. Ну не стрелять же в каждого афганца!

По глубоким представлениям, враг представлялся собой эдаким басмачом на коне из фильма «Белое солнце пустыни», с маузером за поясом и баркасом, полного добра, в готовности пересечь океан в сторону Соединенных Штатов Америки. А наша главная задача заключалась в недопустимости эдакого хамства по отношению к апрельской революции.

Тогда впервые познал, что такое вши. Чесалось все, даже мозги. Про яйца – молчу, это святое. Но для вшей – самое любимое место для встреч между особями. При полном отсутствии каких-либо медикаментов, мы просто натирали тело тряпкой, смоченной в дизельном топливе. Способ давал облегчение на несколько дней. Но от воздействия нефтепродуктов на коже образовывались язвы, слишком медленно заживающие. И тогда менялась походка, вызывающая смех у немногих жителей страны, рассматривающих нас как клоунов в цирке.

Тем временем с мыслями о вшах и бабах, взяли ещё один город. Без боя. Не выходя из кабины. Нахрапом. Как наши отцы когда-то Берлин. Впрочем – нет. При взятии Берлина мы многих потеряли. Иначе было с Тулуканом. Искали, где в тут рейхстаг – не нашли. А нашли бы – расписались. Как отцы. Позднее, прочитав воспоминания Смирнова О. Е. – командира нашего полка на тот период, узнал, что бои при взятии Тулукана были настолько яростные, что кровь стыла в жилах. Мда... чем дальше от войны, тем она краше.

Поздно ночью разбили табор в чистом поле, расставили боевое охранение и устроились на ночлег. Выспаться хотелось хотя бы пару часов. Солдаты кое-как установили в офицерской палатке печку-буржуйку. Истопник обещал поддерживать огонь, так как до армии работал пожарником. Или хотел быть пожарником, уже и не помню таких подробностей.

– Дисевич, сука!

О, проснулся Князев, потому лирику сна оставляю на потом. Предаваясь реализму.

– Почему так холодно? – в каждой офицерской палатке, как правило, сидел истопник, в обязанность которого входило поддерживать огонь в буржуйке всю ночь. В их же обязанности входило чистка сапог всем офицерам и прапорщикам подразделения. А также стирка личного имущества командира батареи – трусов и портянок. Спали сии бойцы, как правило, с 10 утра и до обеда. Если везло. А порой и вовсе

не спали. Или как придется. Чаще получалось, как придется....

В каждом подразделении имелись палатки из расчета одна на десять человек. Плюс буржуйка. Ставили их как придётся. Топили, так-же как ставили. Дров не было, и поэтому воровство топочного материала превращалось в боевую задачу. Везло, если бой проходил в районе кишлаков. Тогда пилили все, что поддавалось пиле. И в топку. Как партизана Лазо – японцы. Но боев не было. Стрельба отдельно взбесившегося командира батальона не в счет. А тепла хотелось.

Зима и в Афганистане зима. Холодно и зло. Минус десять на севере страны – не предел для метеорологов, творивших с погодой всё, что им вздумается. Иногда по ночам столбик термометра опускался ниже 20 по Цельсию. Тогда в палатке жопа товарища становилась единственным теплым местом, к которому можно прижаться, чтоб унять озноб.

Особенно тяжело было вставать по утру. И просыпаться было гораздо хуже, если истопник засыпал в изнеможении. Ну, как сейчас. Меньшее наказание за сию провинность – смена истопника. А их, как правило, брали из числа наиболее непригодных к боевой работе бойцов. У нас таким и был Дисевич (убитый 11 мая 1980 года в Харе), посмевавший заснуть в офицерской палатке под Тулуканом.

Разбуженные голосом командира, да и просто холодом стали открывать глаза прапорщик Шатилов, я, командир огневого взвода (партизан, фамилии не помню), еще какой-то

партизан – типа командир разведывательного взвода. И еще какой-то прапорщик, чью фамилию в мозгах стерло время.

– Эй, – Шатилов ногой ткнул в спину спящего солдата, но тому всё было по хрену.

– Ты, чё сука, – обалдевший от такого хамства Князев уже завизжал, словно электродрель, выдавая тона близкие к критическим. Старый капитан был страшен в гневе. А замерзший капитан со вшами был просто ужасен.

– Я товарищ капитан, – сонно прошмякал губами Дисевич, начиная понимать, где находиться. И от того в его глазах не на шутку разжегся страх.

– Почему холодно, сучий потрох?

– Ой, – он тронул черными от грязи руками затухшую печь. – Ой, сейчас разожгу...

Часы показывали шесть. Хотя и пора было вставать, никто этого делать не хотел, требовалась накачка комбата.

– Господа офицеры, подъем. И к личному составу. Всех мыть, если найдете воду. Проверить оружие. Где спички? – это уже к Дисевичу.

– Вот, – вынимает истопник коробку из кармана фуфайки.

– Ты чего спички воруешь?

– А, что б другие не украли.

Пока солдат разжигал буржуйку, мы медленно вылезали из теплого шатра в мороз. Снег кое-где покрыл землю белой простыней. Но в основном под сапогами лежал мерзлый грунт, по твердости уступавший граниту лишь немного.

Оцепление, выставленное вчера в ночь, возвращалось в расположение батареи. Партизаны, а в боевое оцепление ставили только их, тащили матрацы, мокрые с одной стороны. Скажите, какой дурак будет всю ночь спать на голой земле? Оружие, автоматы АК-74, висело у них сзади, как крылья ангелов. Эта ночь прошла спокойно и, слава Богу. Или Аллаху, главное – спокойно.

– Батарея подъем! – заорал я, желая хоть как согреться, интенсивно размахивая руками. Немного воды, поставленной истопников на печку, согреется через пару часов. Не ранее. А до этого момента надо было хоть как навести на себе порядок. Поэтому – чесались. Все. А больше всех – уроженцы Кавказа. Их вши особенно уважали. За шерсть.

Просыпающаяся батарея медленно выползала из нор, куда их загнал мороз. Кто спал в кабине машины, кто в кузове не имело значения – морды у всех были одинаково грязными. После помывки грязными и оставались, кроме овала на лице, зарозовевшем на морозе.

За спиной нарастал шум. Оглянувшись, я заметил, как у палатки капитан Князев бежит за Дисевичем, пиная того ногами. Бьет сильно, не жалея сапог. Смотреть на зрелище было отрадно. Маленький командир батареи, ростом не более 160 сантиметров, пинками гоняет Дисевича, чуть выше его. Два, так сказать, клоуна большого цирка под названием Советская Армия. Вот и дождался Афганистан интернационалистов. Здравствуйте, девочки....

– Сука, бля, почему воды нет?

«Сука-бля» ускользая от жестоких пинков, кружа вокруг начальника, что-то жалобно отвечает, распаяя маленького капитана не на шутку.

– Ах ты, сука, уснул. Уснул? А если басмачи вырежут меня, кто командовать батареей будет. Ты, бля?

Батарея стояла в окружении пехотных рот. Развернутые минометы М-120 смотрели тупыми рылами во все стороны света. Если бы пришлось открывать огонь, неразберихи было бы на две траурные книги. Это поле мы заняли поздно ночью. На небе ни звезды. Привязаться к местности невозможно. Ни одного ориентира. Карты отличаются от реального рельефа, как Барак Обама от Анджелины Джоли.

Когда рассвело окончательно, я определил точку стояния более менее точно, но такой привязки не учили в Тбилисском артиллерийском училище, пришлось соображать самому. Расставил ДС-2 – дальномер, определил дальность до угла стены артиллерийского полка, четко обозначенного на карте, снял дирекционный угол буссолью и вот наша точка стояния. Мы на высоте 315. Оглянулся. На какой мы на хрен высоте? Вокруг ровное поле. На карте же рельеф скачет как лошадь галопом. То вверх, то вниз.

– Товарищ капитан, привязаться не могу.

– Так, – Князев подошел, посмотрел на мою карту и попытался сориентироваться на глазок. – Считаешь, это наши координаты?

Он практически отошел от вспышки гнева, которым предавался все чаще. У врачей это называется похмельный синдром.

– Вроде, похоже...

– Не верно. Мы вот здесь, – он ткнул пальцем на точку в километре от моей отметки.

– Так, я измерял расстояние и угол приборами, получается вот тут.

– А ты меньше им доверяй. Смотри, видишь дорогу, по которой мы шли?

– Ну...

– Бздну... Вот поворот дороги. Мы от поворота стоим метрах в пятистах. Видишь?

И верно... Место указанное Князевым действительно больше походило на истинное, чем то, которое я определил с приборами. М-да... Ну что тут скажешь... Афганистан!

– Строиться батарея...

– Батарея строиться, – заорал сержант плотный, и нахальный как десять грузин до войны с Россией 2008 года.

То, что собой представляла минометная батарея 1 батальона, требует отдельных слов. Партизаны времен Ковпака выглядели убедительней, чем то, что сейчас строилось перед командиром батареи. Черные руки и лица, грязные бушлаты, а сапоги – умри в болоте, мечтали о ваксе, как евреи о манне небесной. Давно небритые, воины с трудом разлепляли гноящиеся глаза, а постоянное желание почесать пах убеждало

офицеров, что вши любят рядовых не меньше, чем офицеров.

Совершенно иначе выглядели партизаны. Побритые, и даже в почищенных сапогах. Где они взяли крем, до сих пор не могу понять. Крепкие. Кое-кто пустивший жирок. Но в глазах понимание и чувство собственного достоинства. Этих на испуг не возьмешь. Это – солдаты. Те, кто переломит любую ситуацию в свою пользу. Когда они стоят вперемежку со срочниками, отчетливо была видна разница в самоуважении.

– Товарищи солдаты. Сейчас всем навести порядок на мордах лица. Помыться. Нет воды – обтереться снегом. Затем завтрак сухпаем. Можно разжечь костры, чтоб вскипятить воду. Один на взвод.

– Товарищ капитан, вас вызывает Перевалов, – подбегавший посыльный, поправив автомат и не дожидаясь ответа Князева, побежал обратно с трудом вытаскивая сапоги из растаявшего грунта.

– Котов, продолжайте, – командир с удовольствием почесал яйца и направился одеваться для randevu с начальством.

Я встал на место командира батареи. Ну, держитесь..., хихикнул мой внутренний голос.

А спустя час я шагал в сторону казарм разгромленного артиллерийского полка, чьи казармы располагались недалече, поправляя автомат на плече. Рядом шло несколько партизан, благо день был погожий, войны не ожидалось, а приобрести

трофеей ой как хотелось.

Трофеи... это слово не давало покоя не только мне, но всем интернационалистам, когда-либо побывавшим в Афганистане, а посему шел я в сторону казарм достаточно быстрой походкой в надежде, что и мне что-либо перепадет. Но, как говорится, где пройдет пехота, артиллерии делать нечего.

Nota Bene;

Говоря о трофеях, могу заверить, что лишь один человек в батальоне мог с полной уверенностью сказать, что эта «птица удачи» побывала в его ладонях. Но ненадолго. Часа на два. Помните про коммунистическое воспитание офицеров и прапорщиков? Так вот, с одной стороны замполит Игорь Игнатенко, который нашел в тайнике два мешка афгани, набитых столь плотно, что любые наши рубли из Центрального Банка России, чувствовали бы себя более ущемленными. С другой – это самое воспитание.

Всю добычу он отнес в штаб батальона и... отдал командованию, которое, в свою очередь, отдает его афганцам, точнее какому-то афганскому командиру. Который, получив сей джек-пот, благодарил капитана Перевалова за помощь его Родине настолько искренне, что спустя сутки навсегда исчезнет из страны. Больше его никто не видел. Никогда. Говорят глубокие следы того афганского офицера вели в сторону Пакистан.

Но я остановился на казармах....

Если в двух словах, то казармы представляли собой увеличенные копии глинобитных домов граждан Афганистана. Плоская крыша, маленькие окна, узкая дверь. На полу, кое – где лежали ковровые паласы, истоптанные нашими людьми из пехоты. Первым всегда достаются более ценные вещи.

Валялось пара героических палашей с хреновыми лезвиями. Пара штык – ножей времен первой мировой, но кажется и тогда они представляли собой исторический артефакт. К сожалению, все это было не то. Журналы, с оторванными листами, были красочней наших, но, по сути – говно полное. И не на русском языке. А хотелось нечто такое, особенное. Например порно-журналы. Но, боюсь, такое давно разобрала пехота, первая оказавшаяся на территории артиллерийского полка чуть раньше нас.

Несколько пушек из арсенала подразделения привлекают мое внимание. Читаю год изготовления на лафете и удивляюсь. 1893 год. Внимательно, как экспонат в музее, рассматриваю изделие. Особенно казённик. Рядом партизаны смотрят на него, как и я. С удивлением. Такие глаза я видел у мальчишек в музее Советской армии.

Через пару часов возвращаемся в полном разочаровании. Далеке горы давно покрыты белым. Кое где снег лежит и на земле. Но эти места далеко. Вокруг месиво из глины. Красное солнце вот-вот скроется за горизонт. Воздух наполнен странными запахами. Нет и трех часов, а уже чувствуется приближение ночи. Странно.

Неподалеку от расположения палаточного городка, вижу стоящие на земле вертолеты. Падающее солнце освещает группу наших военных в окружении бойцов спецназа ГРУ. Эти невысокие, широкоплечие, в непонятной мабуте, парни склонили к земле головы, что-то выискивая в ней. Суровые, заметил я, но такими мы станем спустя пару месяцев. Я приближаюсь в этой группе. На меня ноль внимания. Все шарят глазами по земле. Лишь, когда до них остается не более десяти шагов, понимаю, в чем дело. Трупы. Много. И тошнотворный запах смерти.

Вижу, на земле валяются обглоданные кости. Не понятно чьи. Судя по разговору – тела наших военных специалистов. Файзулла Амин (на тот момент правитель Афганистана), когда понял, что его наше КГБ СССР обмануло, хитростью заставив подписать ОБРАЩЕНИЕ К СССР О ВОЕННОЙ ПОМОЩИ, приказал физически уничтожить ВСЕХ НАШИХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ, находившихся в афганской армии. Резня шла повсюду. Лишь в тех подразделениях, СПЕЦИАЛИСТЫ которых были заранее предупреждены, обошлось без большой крови. Говорят, вырезали человек тридцать.

Но тогда, я видел не более 3—4 трупов. Их кости обглодали шакалы, которые частенько шастали по степи, наводя страх.

– Какие трусы, не помнишь?

– Черт его знает..., похоже, он. Но вы же знаете, товарищ

генерал, определить труп по трусам...

– Что определить, не видишь, трусы красные. Он это. Чувствую – он. Что жена мне скажет?

Пятидесятилетний (наверно) генерал покачал головой. Был в его словах нечто такое тоскливое, что в какой-то момент мне показалось, что большего горя почувствовать практически невозможно.

Вот такую, блин, интернациональную помощь, мы решили оказать средневековому народу, которого хотели заставить построить социализм. Но эти мысли не часто влезали мне в голову, во всяком случае, тогда. Ибо там, в Афгане, я, как и все остальные был одержим.

Вечерело. И весьма странно. Сначала наступала темень, а луна появиться спустя пару часов, а пока черная мгла медленно погружала землю в пустоту. Ни звезд, ни чего. Тоска и рутина. Путешествие в казармы артполка удовлетворения и трофеев не принесла. Проинструктировав боевое охранение, Князев предложил сыграть в карты, но из меня картежник, как из него Папа Римский. Отказавшись, решил побродить в округе, не заходя за периметр, и тут почувствовал, как кто-то приближается сзади. Еле слышимый удар ботинок о мерзлую землю умело поставленной ступней. Я положил руку на кобуру, в которой притаился пистолет, в готовности выхватить его.

Ежедневно нам зачитывали приказы командования о бдительности с примерами, как в том, или другом подразделе-

нии Советской армии, вырезали солдат. То в одном полку, то в другом – отставшего от части офицера, раскроют как тушку барана на праздник Рамадан. Страшно.

А пока ко мне приближалось темное пятно, напоминающее человека. Мышцы напряглись, в готовности к сопротивлению. Помирать под ножом мятежников не хотелось. Да, вообще помирать не хотелось. В свое время, до одури учась обнажить ствол, я тренировал руку, стремясь выхватить ПМ из кобуры как можно быстрее. Иногда получалось за пару секунд.

Резко обернувшись, чуть не доведя себя до инфаркта мыслями о кровожадных басмачах, я был готов пустить в ход пистолет.

Тулукан – Рустак

Чтобы рядовые окончательно не свихнулись на почве охамевших вшей яростно кусающих интернационалистов, заставляя их капитулировать столь энергично, что командование, просчитав потери, организовало помывку личного состава в городской бане города Тулукан, где до нас парились басмачи. Именно так мы называли жителей Афганистана. Духами, как сейчас называют наших врагов, мы кликали худых и голодных солдат. Тощих, как, собственно, и духи.

Оружие, ранее розданное по рукам, вновь собрали в ящики, бойцов посадили на машины и, под охраной БМП-1 повезли мыться. Знай об этом мятежники, они бы нам так голову намылили, что мало не показалось бы никому. От лагеря до бани было двадцать минут езды. Сушная ерунда для замученных вшами людей.

Представляя собой помещение 13 века, типа греческих терм с водой настолько теплой, что она не превращалась в лед лишь по причине нахождения в ней советских солдат, согревающей её своими телами, баня оказалась хуже, чем мы ожидали. Серого цвета вода с мыльными кругами, все же позволяла намылить хозяйственное мыло, так нелюбимое вшами. Уж и не говорю, что все военнослужащие поголовно обрили головы и другие интимные места, соскребая волосы столь яростно, что Куликовская битва, стороннему

наблюдателю, представлялась детской забавой.

Мутная, словно ей уже пользовались как минимум все жители Тулукана и восставшего артиллерийского полка до прихода советских войск в течении десятка лет, с мыльными разводами, в которых сидели палочки Коха, медленно гребущие в сторону советских солдат, вода вызывала ужас, с которым ещё справиться было можно. Но с запахом внутри, эдакой смесью зарина с хлорпикрином, проникающим в самые затаённые уголки сознание – нет.

При входе в баню на стене висело огромное зеркало, напротив которого устроился бородатый душман (а вы видели не бородатого душмана?), которого стриг парикмахер. Такой же не стриженный и не бритый как его клиент. В руках держа опасную бритву, он орудовал её как заправский мясник ножом, со свистом махая ею справа налево, чем-то напоминая красноармейца из конницы Чапаева, попавшего в гущу беляков.

– Побреемся? – предложил Кондратенков Вова, и тут же рассмеялся своей шутке.

– После тебя, – ответил я

– А где банщик? Вода же холодная. Как мыться? – возмутился Игорь Баранов взводный из первой роты.

– Быстро..., – ответил кто-то за спиной.

Через эту пытку сауной прошли все бойцы первого батальона. Кроме тех, кто был чист. Писаря из полка и штаба батальона. Как им, скажите, это удавалось?

Первый рейд

Приказ гласил: Силами первого батальона выдвинуться в сторону населенного пункта Рустак и уничтожить противника, захватившего город.

Что ж приказ как приказ. Надо взять поселок или как его там... типа города. А все города в Афганистане настолько убогие, что наворачивалась слеза. Выдвинулись. Справа и слева куцые деревья у обочин. За ними клочки черной земли, присыпанной снегом. Вдоль дорог убогие лавки с чем-то. И глаза продавцов-афганцев. Иссиня черные. Смотрят без эмоций. Им тоже интересно. Кто это такие?

Где-то, через десяток километров с начала марша остановились в поле. Ждем. Впереди вспыхнула стрельба, но быстро затихла. Команд пока никаких не поступает. Связь держу с Князовым по радиостанции. Приладили маленькую – Р-126. Удобная и не занимает много места. Иногда дремлю.

– Товарищ лейтенант, смотрите, – водитель кивнул в сторону недалеко стоящих дуванов, расположившихся за широким полем непаханой земли, кое-где покрытой снегом. По краю поля в нашу сторону шла линия солдат в крысиного цвета шинелях. Человек тридцать. Афганская армия. Над головой стали свистеть пули, высказывая свое мнение о нас.

– Кто это такие?

– Хрен его знает?

Я вышел из кабины и подошел к сгрудившимся офицерам первой роты, так же, как и я наблюдающие за перемещениями неизвестного подразделения в двухстах метрах от нашей колонны.

– Учения что ли у афганцев? – вставил свое слово Князев, только подошедший к основной группе зевак.

– Нет, это у них тренировка. К параду, – Косинов – командир первой роты с кем нам и выпала доля брать Рустак, стоял тут же.

– Стреляют....

Над головой уже довольно отчетливо выли пули, не внося в наши ряды никакой сумятицы. Страх, как такового, не было. Чистое любопытство.

– А ну давай, Петров, пару снарядов по врагу, – приказал Косинов командиру БМП-1 уже развернувшему пушку в сторону афганцев.

А шли они действительно здорово. Ровные шеренги, расстояние между бойцами 3—4 метра. Чапаев бы сказал: – «красиво идут». Чувствуется чья-то опытная рука в их подготовке. Впереди командиры с чем-то в руках. Наверно стеки. Строй держат. И в этот момент раздался выстрел. Спустя секунду дерево разрыва выросло точно в шеренге наступавших. Затем еще одно. Там же, но чуть левее. Видно, как осколки разрывают тела. Огонь усилился. Пара пуль прошила брезент ГАЗ-66. Высунувшаяся из кузова голова партизана недовольно прорычала: – Кто стреляет?

– Свои, – ответил кто-то из партизан, уже из пехоты. Все рассмеялись.

Спустя мгновение, от наступающих афганцев не остается и следа. Словно их и не было.

Именно этот бой стал тем самым рубиконом, за которым простилаясь настолько махровая ложь про героизм советских солдат, что все высказывания Геббельса можно было воспринимать как детскую шалость.

Позднее капитан Косинов напишет, а боевом донесении, что в процессе упорного боевого столкновения с противником, было уничтожено 52 мятежника. А капитан Князев добавит уже в своем боевом донесении – что огнем минометов М-120 ликвидировано еще 29 мятежников и 3 орудия ЗИС-3. Трупов мятежников никто не видел. Тем более орудий ЗИС-3 времен Второй мировой. Но это, под каким углом посмотреть. Ибо могли быть у врага ЗИС-3? Могли. Так почему бы их не уничтожить?

Это случилось позднее. После Рустака.

Он подъехал настолько неожиданно, что Князев по-настоящему не успел испугаться. Начальник артиллерии подполковник Мартынюк вышел из УАЗа полный собственного достоинства, как всегда улыбающийся и одновременно сосредоточенный, как штык-нож готовый к рукопашной.

– Батарея смирно! – подскакивая, как оловянный солдатик, к прибывшему гостю, Князев изобразил на лице уверенность, свойственной советской армии. – Товарищ подпол-

ковник, батарея готовится к маршу. Командир батареи капитан Князев.

– Вольно, комбат, – по-отечески приветствовал Мартынюк капитана, неловко приложив ладонь к ушанке. – Тяжелый бой был?

– Они показались неожиданно, – Князев оседлал любимого конька, мужественно сверкая глазами, – и шли прямо на нас. Я приказал привести минометы в боевую готовность...

– Ясно... ясно, как Котов? – Мартынюк всегда интересовался молодыми офицерами, прибывающими в часть, особенно артиллеристами. По большому счету многие, как минометчики, так и чистые артиллеристы должны быть ему благодарны. Он не только настаивал на той или иной награде, но и делал все возможное, чтобы его офицеры после Афганистана переводились не в дальние гарнизоны СССР, а в Европу, где стояли советские войска. Венгрия, Польша, Чехословакия и Германия.

– Нормально.

– Так, сколько ты сделал залпов?

– Выпустили около десяти мин, товарищ подполковник, – не моргнув глазом ответил тот, и как мне показалось, щелкнул каблуками. Разлетевшаяся от этого грязь напомнила мне брызги шампанского в одном из ресторанов Алма-Аты, где Лёше Акимову нашему медику, с которым мы неплохо посидели за столиком за неделю до боевой тревоги, один хит-

ромудрый казах впарил синего цвета джинсы на два размера меньше. Лёша, уже на следующий день, так и не смог натянуть их на свою задницу, чем расстроил не только меня, но и свой зад.

– Ладно. Работай, – и подполковник Мартынюк развернувшись покинул расположение первой минометной батареи полный собственного достоинства.

Вскоре за этот «подвиг» капитану Князеву спустили аж два «Ордена Красной звезды» и шесть медалей «За Отвагу», чтоб он мог распределить их среди личного состава. Распределить. Первое время их именно распределяли. И Князев распределил.

Тем временем....

Первый опыт с состряпанным боевым донесением прошел на ура. Лгать было можно и нужно. Ибо таких боевых донесений и ждало командование полка. Именно это боевое донесение стало точкой отсчета в беспросветной лжи, отсылаемой наверх нижними чинами, чтобы высшее чины отправляли аналогичные боевые донесения уже в ЦК КПСС. Лгали все. И командиры рот, в своих донесениях, и политработники, командиры батальонов, и командир полка (будущей 66 бригады), готовя отчеты для высшего командования.

В 1984 году приказом по 40 армии все наградные на личный состав Советской Армии, воевавшей в Афганистане, были сожжены из-за невозможности их физически прочитать, так как набралось их более двух тонн.

– Сынок, – говаривал мне отец тогда, когда мне не исполнилось и десяти лет, – офицеры, это каста Советской армии. Это белая кость. Более порядочных людей в мире не найти. Это самая настоящая элита и совесть нашей Родины.

– Пап, а как становятся офицерами?

– Их готовят в военных училищах, как тот, который заканчивал я.

– Ты тоже офицер?

– Был, сынок. Был – и он, как помню, надолго замолчал, затянувшись «примой».

Но вернемся в Афганистан, с его «тяжелыми» боями на севере страны и спросим, хотя бы у самих себя – а были ли бои?

Были. Не такие кровавые и не столь тяжелые. Погибали в основном от глупости. Учились воевать. Да и войск в Афган нагнали столько, что лишь сумасшедший пойдет против такой броневой группы в лоб. Но шли. Те, кому Родина была не безразлична. И это вызывало уважение.

Там же третья минометная батарея потеряла четверых.

При стрельбе из миномета главное не пропустить момент вылета мины из трубы. Для чего на его срезе установлен предохранитель, но в боевых условиях, или когда требуется интенсивный огонь, его снимали. И тут, как всегда, начиналось самое интересное. Третья минбатарея и нарвалась на это самое.

Они вели огонь со шнура, это когда мина плавно опуска-

ется на дно трубы, а второй номер расчета дергает за спусковой шнур, приводя в действие боёк. В этом случае крайне сложно контролировать выход мины из миномета. Заряжающий, берет новую мину и заряжает её. А зарядание миномета осуществляется путем опускания её в трубу.

А там еще не вылетела та, что была заряжена ранее. И – кирдык, разрыв, четыре трупа, столько же раненых. Второй класс учебы на войне.

Однажды, совершенно случайно, мне в руки попало боевое донесение командира полка Смирнова О. Е., который на основании поступивших рапортов подготовил свою бумагу высшим чинам Советской Армии. По этому пасквилю выходило, что 186 полк, неся тяжелые потери среди личного состава, ведя упорные, изнурительные, наступательные бои с мятежниками и все же сумел овладеть не только населенным пунктом Тулукан (который был взят практически без боя), но и населенным пунктом Рустак, Файзабад и еще много чего было взято и уничтожено. Одних орудий было пленено более 10 штук. Не считая боеприпасов и другой боевой техники мятежников. В том числе пара танков. Но об этом подробнее.

Наш танковый батальон, как и все, шел в единой колонне, пока не поступила боевая задача кого-то там поддержать всей массой своих Т-64 имевшихся в полку. Выдвинулись. Идут. И вдруг, о боже! Навстречу Т-34 времен Отечественной войны. За рычагами механик водитель в белой

чалме, которая не помещается в броне и видна с расстояния нескольких километров. Мятежники? Ну как было упустить такую цель? По первому влупили так, что сорвало крышу, подбросив башню метров на пятьдесят вверх. Из второго экипаж посчитал нужным драпануть, до того, как станут героями Афганистана посмертно.

Когда читал, думал, а был ли я там со всем полком, или не был. Участвовал ли во взятии Тулукана, Рустака, Файзабада? Я же был там внутри всего этого, а считаешь, словно листаешь фантастический роман про войну, которой не было. Да. Если врать, то по крупному! В своё время Геббельс сказал, что если ложь повторять ежедневно, то она превратится в правду. Ничего не напоминает? Скажем сегодняшней день про героизм интернационалистов, фильмы про которых заполнили наше сознание настолько, что складывается ощущение что именно мы первыми начали войну с терроризмом.

История ничему не учит. И все те, кто в Афганистане лгал, делал приписки, убивал пленных, насиловал, совершал другие подлости, несовместимые с честью, сейчас у руля страны, продолжают чтить «героическое» прошлое, вознося на пьедестал трусов, врунов, подлецов. В общем, всё, как всегда. Но иногда хочется спросить у этих интернационалистов: «До коле будете врать?». Может действительно хватит?

Хватит про надуманный героизм. Про борьбу с терроризмом. Про невыносимые условия. Про жару и понос. Про ге-

роические действия на Саланге и про десантников, которые защитили гору от душманов.

Или этому учат в Академии Генерального штаба? Как правильно сказать. И не соврать, но и не сказать правды. Например, в боевом донесении написать не «вошли в населенный пункт Тулукан» а «захватили населенный пункт Тулукан». Догадались, в чем разница? Далее, написать не «вели бои» а «тяжелые, наступательные бои». Так откуда взялись «тяжелые» потери в полку, утюжившему север страны? Отвечаю. Из-за халатности. Глупости. Из-за «дружественного» огня.

Там же под Тулуканом авианаводчик вывел на наш батальон пару МИГов, пустивших снаряды (НУРСЫ) в нашу сторону. Итог: двое раненых. Оба ранения в жопу. Оба наших бойца получили награды за храбрость. Повезло пацанам. Про третью минометную батарею писал.

Еще один штрих. В боевых донесениях постоянно писали о количестве уничтоженного врага. Скажем, разогнали (именно это мы сделали под Тулуканом) мятежный артиллерийский полк, в полку около 2000 человек, а командир 186 полка пишет было – УНИЧТОЖЕНО 2000 мятежников. А то, что они действительно разбежались по домам – ерунда. Не в счет. Или, как писали командиры рот, в том или ином бою было уничтожено 50 мятежников. Откуда такая цифра – 50? Кто проверял? Кто подтвердил? НИКТО! Главное – волшебство цифр. От этого зависело практически все.

Награды, грамоты, уважение и т. д. А в СССР – квартиры, почет, должности, звания. Яркий пример – капитан Ромайкин Слава. Секретарь комсомольской организации 66 бригады в 1980 – 1981 годах. Политработник, не имеющий личного состава. Прекрасный человек и не менее прекрасный замполит. Вся грудь в орденах, как у Брежнева. Словно он один из всей 66 бригады воевал, а остальные смотрели на его подвиги открыв рот.

А правда зарыта в способе получения наград, повторившаяся позднее, уже в России, когда «награда нашла своего героя». Помните? Вот, блин, какая удача, но эта самая награда находила как правило политработников. Может у неё со зрением не в порядке, я имею ввиду награду?

Далее. Вчитайтесь в наградные листы, погибших в Афганистане. Большого дебилизма мне в жизни читать не приходилось. Написанные под копирку, словно от этого зависело будущее того, кто эту ложь сочинял. И все подвиги списаны друг с друга. Но бой, это не трафарет, уж поверьте, я знаю это. И каждый складывается иначе, чем предыдущий. И подвиги наши солдаты совершали, **НО РАЗНЫЕ**, и по сути, и по реализации. Но разбираться с этим не хотелось. Вот и писали командиры то, что вбредёт в голову. И в основном про тех, у кого более мягкий язык. Таким геморрой легче лечить.

Сколько таких «афганцев» получили вышестоящие должности? Но, спустя десяток лет им пришлось доказывать свое

умение воевать в Чечне, где их громили, практически необразованные «полевые командиры» из числа бывших трактористов, секретарей комсомольских организаций, председателей колхозов и т. д. И до сих пор под большим секретом потери, понесённые Российской армией в Чечне. Какой кровью далась нам та война.

Но продолжим...

Тем временем, разорвав на части атакующих мятежников с пушками ЗИС-3, которые никто так и не видел, двинулись дальше по дороге в Рустак. Но через пару километров опять движение застопорилось. А остановились мы неподалёку от вершины холма, с мелькавшими, на фоне неба, непонятными личностями в фуфайках. Можно было догадаться, что раз фуфайки – то наши, но догадываться надо мозгами, которые были заняты более важными делами – подготовкой боевых отчетов. Приглянувшись, заметили на вершине холма в пятидесяти метрах выше пулемет на треноге.

– Это АГС!

– Какой на хрен АГС, это американский М-60, – толпа постепенно пополнялась новыми знатоками стрелкового оружия. А размяться из кабин вышли практически все офицеры и прапорщики.

– Нет, похоже, это английский пулемет. Я такие видел на картинке. У него такая же тренога.

Общим собранием решили, что перед нами на высоте американский пулемет М-60. Выпустили пару снарядов

из БМП-1. Так, на всякий случай. Итог – один из партизан, оставленный на вершине холма в виде боевого охранения, получил легкое ранение в руку, и оба чуть не обосрались от страха. И это был не американский пулемет М-60, а наш АГС-17. Но и те партизаны также были представлены к правительственным наградам за мужество.

После взятия Рустака первым батальоном и ДШР под командованием старшего лейтенанта Сергея Козлова, а взял он мост по дороге на Рустак, командир батальона Перевалов представил отличившихся офицеров и прапорщиков к Правительственным наградам (количество наград было строго ограничено, посему они спускались сверху из штаба полка).

Лейтенанта Гапаненка В. представили к Орденом Красной звезды, прапорщика Акимова к медали «За Отвагу». Но тут в бой вступили политработники. Или замполиты. Или полит. бойцы. Педерасты по жизни, одним словом. И главным забойщиком выступил капитан Киселев – замполит первого батальона. На совещании капитан Перевалов составил список офицеров, выделив отличившихся в пока не столь кровавых боях.

Именно тогда лейтенант Гапаненок Витя со своим взводом расколошматил отряд мятежников, решивших вырезать русских палашами в конной атаке, в которой участвовало более сотни всадников.

Англичане, ранее пытавшиеся взять Афганистан, при виде конных афганцев, как правило, драпали с такой скоро-

стью, что мелькали не только пятки, но и лысины британских вояк. Советские или шурави, драпать пока не умели, и стремились, используя преимущество в технике, валить врага интенсивностью огня. Почти тридцать стволов выкосили большую часть конников еще на подходе к двум БМП-1. Итог боя – более пятидесяти убитых, чьи трупы пересчитывали как минимум несколько вышестоящих командиров, не веря в столь удачный для 186 МСП, и первый батальон в частности, бой. Потери взвода Гапаненка составил один убитый, двое раненых. Счет, так сказать, пятьдесят к одному.

Орден Красной звезды – не та награда, достойного этого замечательного человека, но именно к нему и был представлен Гапаненок на совещании офицеров. И если бы в нашем батальоне не служил политработник капитан Киселев, возможно и не стоило бы писать эту книгу. Но все получилось так, как получилось.

Чтобы передать сведения о награжденных в вышестоящий штаб, замполит Киселев лично вызвался донести сей список до командира полка Смирнова О. Е. По дороге, пока никто не видит, brave офицер, надежда Советской армии, политический работник с идеалами коммунизма в мозгах, член КПСС, семьянин да просто замечательный товарищ, вычеркнул из списка фамилию прапорщика Акимова и вписал в него свою. Затем, чтобы не нарушать общее количество наград, спущенных штабом полка в батальон, напротив фамилии Гапаненок вывел «медаль за Отвагу», а напротив сво-

ей – «Орден Красной звезды».

Всё! Операция закончилась положительно. Тем более, что его уже вписали в список офицеров, возвращаемых в Союз. И не надо рвать жопу, доказывая, что ты настоящий герой. Пусть рвут жопу прапорщики Акимовы и лейтенанты Гапаненки.

Слава Вооруженным Силам СССР.

* * *

Колонна шла сквозь какое-то афганское селение. Полуразрушенные домики справа и слева напоминали кладбище. Еще не вечер, но в воздухе витали первые признаки приближающейся ночи. Тень становилась длиннее и чернее. И за каждым дуваном виделся враг. Нас предупредили перед маршем, что при открытии огня противником, отвечать на него всей силой оружия. Очко сжималось до размера медного пятака. Умирать, а смерть уже посетила батальон, не хотелось. Никому.

Как всегда, я сидел на месте «старшего» машины с рацией на капоте и автоматом в руках. Темнело, но фары пока не включали. Расстояние между машинами составляло не более 10 метров. БМП и БТР шли вперемежку с ГАЗ-66 и Уралами.

Неожиданно я увидел солдата афганской армии. Он был без оружия, и, как мне показалось, не решался перебежать дорогу, скрываясь за углом дувана. Был ли это враг? Не уверен. До сих пор. На вид ему было лет двадцать, может чуть

старше меня на год или два. Крысиного цвета шинель была перетянута темным ремнем, давно не бритое лицо выдавало в нем дезертира.

И вот он побежал. Рванул, чудно выбрасывая колени, стараясь перебежать перед нашей машиной на другую сторону кишлака. Не оглядывался, втянув голову в плечи. Не знаю, что мной тогда руководило. Азарт или нечто большее? Что-то другое, только зарождавшееся глубоко внутри – безразличие к чужой жизни? Не знаю. Господи. Помогите забыть эти минуты.

Я мгновенно вскинул автомат и нажал на курок. Семь пуль вылетели из ствола, оставив изнутри отметины на лобовом стекле ГАЗ-66. Осколки рассекли кожу на лице водителя. Тот, заорал, бросив рулевое колесо, прижал к лицу пальцы, сквозь которые проступила кровь.

А солдатик за окном неожиданно захромал, схватившись за бедро. Пуля от АК-74 – со смещенным центром тяжести и вызывает страшные ранения. И скрылся за диван, оставляя на желтой земле черные капли крови.

– Зачем? – спросило меня мое второе я, которому почему-то не позволил умереть.

До сих пор не могу дать ответа, на тот вопрос. Вот уже тридцать лет мне не дает заснуть тот случай, над которым насмехались все в батальоне, подшучивая над моей реакцией. Глупо всё произошло. Глупо.

Марш в Кабул

Завшивевший, усталый от невозможности нормально выспаться, изнеможенный от кочевой жизни полк, пережив первые потери, как среди офицеров, так и среди солдат, готовился к маршу в Кабул. По меркам мирного времени это были страшные потери. Погибло человек десять и около тридцати получили ранения. И почти всех я знал лично. Большинство было убито по глупости. На войне, как мне пришлось убедиться, в основном и убивают по глупости. Или собственной, или командирской.

Тем временем солдаты проверяли крепления фаркопов, затыкали дырки в кузовах автомобилей, выстилая днище матрасами в несколько рядов, зашивали дыры в брезенте, используя для этого подручные материалы. Работали все, как правило, по очереди, меняя друг – друга в боевом охранении.

А я вспоминал вечер, проведенный пару дней назад с друзьями. Лешка Акимов и Игорь Свинухов пригласили меня в кабину «Урала» на бутылку шампанского. Шампанского! Советского. С французскими булочками. Ляпота....

Припасы добыл Лешка Акимов, ибо на тот период он был главным водовозом батальона. В сопровождении БМП-1 или без, он нашел колодец с более-менее чистой водой, откуда и черпал свое вдохновение. Так случилось, что в очередной

поездке он наткнулся на брошенный лагерь наших специалистов. Самих спецов убили, прислуга разбежалась, но склады остались ломиться от пищи и т. д. В ожидании Леша.

Не будь дураком, а он им никогда не был, прапорщик Акимов с бойцами прошерстил склады вдоль и поперек, обнаружив столько еды, что её хватило бы на весь батальон. Шампанское, консервы, булочки. Как и положено, на тот период в Советской Армии, все таким образом найденные припасы поступали исключительно в желудки командования батальона. Остальные сосали..., ну вы понимаете что. Ах, господи, боже мой, ну не на оборот же должно быть.....

Приволок меня Игорь, который решил проверить мою бдительность, тихо подкравшись со спины. Не удалось. Но свою долю адреналина я получил.

Мы сидели втроем, прижавшись бедрами друг к другу в широкой кабине мощного тягача и пили глядя на звезды шампань солдатскими кружками, предварительно макая в них французские булочки, которые тут же отправляли в рот. И глотали их, практически не пережевывая. Говорили о дружбе и уважении. О спорте и законах механики. Затронули тему «гандонов» и их рейтинг в Советской армии. Со всем немного обменялись последними слухами.

Глубокомысленно извлекли наружу секретную информацию, о том, что командир полка Смирнов женат на дочке генерала. А посему выходило, что и он также станет генералом. Что в последствии и подтвердилось.

– А маршалом? – спросил Игорь Свинухов – замполит второй роты.

– А маршалом – хуй. У того своих затей, как у Котовавшей на яйцах, – загоготал Акимов. Заслуженный медицинский работник первого батальона.

Напомнив о пахе, я с удовольствием его почесал. А пока чесал, алкоголь всё глубже проникал в мозговые извилины. Раздражение спало, приятная истома окутала все тело. Хотелось прямо сейчас идти в разведку или в атаку. С Лешей Акимовым и Игорем Свинуховым. Отобрать у басмачей их полковое знамя, и принести Смирнову.

– Вот, товарищ подполковник, знамя мятежников. Отобрали в бою. А это значит – они расформированы.

– Игорь, а когда ты поднимаешься в атаку, что будешь кричать? – подергивал меня Лёшка, сверкая круглыми, как у еврея увидевшего кусок золота, подписанного Христом, глазами.

– За Брежнева! Ура!

– Неправильно, надо за Смирнова...

– Зачем?

– Как зачем, – от удивления, а он умел изображать удивление не хуже Райкина, – Закричишь «За Родину, За Смирнова», он услышит, и ты – командир батареи. Или орденоносец.

– Уж лучше за майора Титова..., – вставил Свинухов. – Не будет мозг долбать.

– Я за этого говнюка кричать не буду, – категорично заявил я.

– А за прапорщика Кикилева?

– Только если гарантирует добавку к хавке.

Посмеялись....

Но это было давно. А сегодня все подразделения готовились к маршу.

Иногда, зная, что скоро покинем нажитые места, хотя на севере мы стояли не более недели-двух на одном месте, кое-кто из солдат сбегал в ближайшие кишлаки, где силой оружия или просьбами, а порой и тем и другим, уговаривали дехкан подарить им ту или иную безделушку, произведенную в Гонг-Конге. Речь о кассетных магнитофонах пока не шла. В основном ногтерезки, карты с голыми бабами, флаконы с духами.

Дехкане рады были избавиться от назойливых русских интернационалистов, призванных оказывать им помощь, но без зазрения совести берущих все, что им хотелось. Ведь даже пожаловаться на «советских» было некому. Власть еще не взяли сторонники Парчама в свои руки, поэтому сторонники Халька, другого крыла коммунистической партии Афганистана, силы которых мы и громили на севере, при виде нас стыдливо отворачивались спиной от беды подальше.

Явных случаев мародерства пока не наблюдалось, но тенденции ощущались с пугающей реальностью. То у одного, то у другого партизана я видел то новые часы, то ногтерез-

ку, то простенький магнитофон SONY. И этот факт вызывал зависть. А тут подошли награды, которые требовалось распределить среди вшивых и изнеможенных бойцов Советской Армии, больше похожих на грабителей, с первых минут усиленно выполнявших интернациональный долг, который понимали по-своему.

Что такое тендер капитан Князев не знал. А знал бы, обязательно объявил бы его среди личного состава на лучший подарок «любимому командиру». Завистливо рассматривая ту или иную ногтерезку, Князев стеснялся отобрать кусок металла у партизан, зато смело раскулачивал срочников, отбирая даже то, что те снимали с трупов убитых мятежников.

Награды, спущенные сверху за его боевое донесение, где им, капитаном Князевым, было доложено, что огнем минометов батарея уничтожила аж 29 мятежников и 3 пушки ЗИС-3, вызывало в нем противоречивые мысли. Как же так, ведь именно он написал эту ложь в боевом донесении, а его командир батальона Первалов не наградил. Не наградил, сука, даже вшивой медалью. А теперь ему приходится распределять награды среди партизан и прапорщиков, которые даже не стреляли в бою.

Несправедливо!

Старый капитан задумался, в уме просчитывая варианты. И тут в его голове родился гениальный план прямого обмена государственных наград СССР на ногтерезки и банки «Фанты».

Перевал Саланг

Через Саланг прошли ВСЕ советские воинские части, вошедшие в Демократическую Республику Афганистан в ночь с 3 на 4 января 1980 года или позднее.

Чем примечателен этот перевал, кроме того, что является одним из самых высокогорных? Да тем, что советские войска впервые в своей истории преодолевали горы на высотах близких к критическим. До сих пор помню, с каким напряжением ползли ГАЗ-66 по перевалу. Медленно, метр за метром карабкаясь к вершине, как раненый из фильмов про войну к реке.

На обочине стояла заглухшая техника. В моторах копались водители, обмораживая руки. Мороз перевалил за 20 градусов по Цельсию. Шапки снега достигали высоты более пяти метров. Слева лежала пропасть, дна которой не было видно из-за облаков, стелившихся ниже. Впереди исчезали в тумане каскады тоннелей, проложенные сквозь базальт Гиндукуша. В кузовах лежат бойцы. Спят, укрывшись матрацами. Длина некоторых тоннелей превышает нескольких километров, где через каждые 50 – 100 метров окна проветриваний. Но вытяжка не работает. Технический персонал из числа афганцев, обслуживающий тоннель – бежал, увидев первого шурави. Сколько людских жизней забрал перевал – не ведомо никому.

В тот период, когда его оседлал наш 186 полк, передислоцируясь с севера страны, где были взяты города Тулукан и Файзабад, потери на марше составили около 30 человек, которые задохнулись в катакомбах тоннелей Саланг угарным газом из-за ошибок командования. Это суммарные потери нашего полка и ракетной бригады, вклинившейся в наши ряды. Глупые, ненужные потери

Кто не знает, что такое Саланг, тот не видел Афганистан. Это – истина. Один из самых высотных маршрутов, рассекающих Гиндукуш на равные части, была эта самая трасса, по которой наш боевой полк двигался в сторону Кабула, для оказания еще большей помощи бедному афганскому народу.

Уже на подходе к системе туннелей, стоявший на её охране взвод ДШБ распределял очередность прохождения по нему между ракетной бригадой и нашим полком. Мешать одну броневую технику с другой было неразумно. Хотя мы и представляли собой единую армию оккупантов-интернационалистов, но разные командиры могли отдавать разные приказы, что и привело к трагедии, оборвавшей жизни почти взводу солдат и офицеров Советской Армии.

Так как десантуре было по большому счету все равно кого пускать, они и открыли ставни ада для обоих подразделений, и что самое интересное, не понеся никакой ответственности за погибших в угарном газе. На боевые потери списывали жизни и технику. Жестокое существование и трусость. Вшей и болезни, затронувшие рядовой состав. А также глу-

пые приказы, раскрывающие слабость тактической выучки всех командиров, от ротного звена, до полкового. А также неумелое командование в бою, что являлось практическим предательством интересов вооруженных сил.

Моторы надрывались из последних сил, таща к вершине броню, в которой устроились советские солдаты, увешанные оружием по самое «не могу». Высота за 4.000 метров, дыхание становилось рваным, как брезент ГАЗ-66, в его кузове устроились партизаны, навалив на себя матрацы, согреваясь лишь своим дыханием. Они вообще обладали талантом выживать в самых критических условиях жизни. Температура приближалась к минус 30 по Цельсию, отчего печки в кабинках работали на полную мощь. Но все равно мерзли.

Мне достался тягач ГАЗ-66 без лобового стекла, которое я расстрелял, целясь в басмача на севере страны. Прикрытый фанерой, обернутой в солдатское одеяло, все равно сквозь щели проникал мороз, не позволяя даже на миг закрыть глаза.

Минус тридцать. Дыхание превращалось в изморозь за десять сантиметров от рта и падала на колени умирающими надеждами. Никогда больше так мерзнуть мне не приходилось. От него мысли переставали вырабатываться, превращая мозг в ненужную часть головы, не согреваемую даже зимней шапкой с завязанными ушами. Всё чаще попадались заглохшие машины, БМП и БТР, водители которых копались в моторах голыми руками, обмораживая пальцы. Некоторые работали,

сбросив ватники, в свете ручных фонарей, по локоть в бензине.

Респект и уважуха вам, как сказали-бы сейчас молодые парнишки, не нюхавшие пороха. Честь и слава, поправили-бы их те, кто прошёл этот скорбный путь.

Честь и слава!

Черный асфальт змеёй полз вверх, заползая в нутро тоннелей. По нему шла сильнейшая армия в мире, пугая афганцев своей мощью. Но те почему-то не боялись. И это было странно.

Постоянно останавливаясь, как это делают альпинисты в горах при штурме высоты, мы упорно ползли вверх, преодолевая Гиндукуш по Салангу. Отставшие машины никто не ждал – есть техническая поддержка в лице майора Китова – зампотеха батальона. Заглохшие автомобили он или брал на буксир, или помогал с ремонтом, в основном советами. Но при марше и этого было достаточно. При всей моей нелюбви к этому человеку, могу сказать лишь слова благодарности его мужеству при преодолении Саланга.

Где-то на высоте за 4.200 метров, если судить по карте, на которую мне постоянно приходилось поглядывать, в очередном окне остановка было особенно долгой. Батарея вперемежку с БМП-1 старшего лейтенанта Заколюдяжного застыла на шоссе между двумя тоннелями. В колонну боевых машин затесался кунг прапорщика Кикилева – начальника продовольствия батальона, забитый продовольствием. Дви-

гатели не выключали, так как завести их по новой, было практически нереально. Даже с толкача. Уж больно сильно был разрежен воздух.

В черной дыре впередистоящего тоннеля исчезала голова колонны из боевой техники, в основном на гусеничном ходу. Причины остановки никто не знал, поэтому решили размяться языками, а заодно и размять кости и мышцы, задубевшие от долгой неподвижности. И повылезали из кабин, благо на воздухе было ненамного холодней. Удалось уговорить Кикелева выдать одну буханку хлеба из батальонных запасов, которую мгновенно разодрали не десяток частей, исчезнувших в голодных желудках.

Стоим долго. Почти час. Так долго мы еще не останавливались и причина в столь длительной остановке нас, по меньшей мере, не волновала. В этот момент из жерла тоннеля, в котором скрылся хвост колонны из БМП-1, тонкая сизая струйка отработанных газов превратилась в дыхание дракона, изрыгающее из себя клубы черного дыма.

Предчувствие чего-то страшного коснулось лиц всех стоявших в круге и куривших сигареты.

– Ни хрена себе, – это Заколодяжный подал голос.

– Всё. Кирдык котёнку, – прокомментировал, увидев дым, капитан Князев, смачно жевавший свой кусок.

И в этот момент где-то внутри черного сгустка ужаса раздался одиночный выстрел. Затем еще. И еще. Из тоннеля стали появляться люди, с настолько серыми лицами, что ка-

залось, шли мертвецы. Я бросился внутрь, в плотное тело черного дыма, прикрыв лицо шарфом. Рядом со мной оказался кто-то из офицеров и несколько солдат. Мы вбежали в ночь, окутанной ядовитыми парами. Дышать было практически невозможно. Угарный газ проникал в легкие, даже сквозь тонкую материю шарфа, вызывая спазм. Тогда я понял, какого было узника Освенцима, и впервые пожалел евреев.

Первого встречного нам лежащего партизана, я пытался поднять, но не смог. Слишком уж был тяжел. Тогда схватив за лацкан воротника, потянул его к выходу по черному асфальту. Справа и слева от меня бойцы хватили упавших людей и тащили на воздух. Многие были без сознания. Боковым зрением я увидел, как старший лейтенант Игнатенко – замполит 3 роты тащит на себе Кондратенкова Володю. Чтобы представить сиё действие, надо понимать, что Кондратенков весит около девяносто килограмм, а Игнатенко – чуть более пятидесяти. Несколько партизан, под руки выводят на воздух еще одного бойца. Я видел сквозь сизый дым пару человек лежащих под колесами автомобиля без движения. Чтобы вытащить их не хватало ни воздуха, ни сил.

В очередной раз, выползая из тоннеля, я упал в снег, на мгновение потеряв сознание, но быстро пришел в себя от голоса Бенисевича (убит 11 мая 1980 года):

– Товарищ лейтенант, вам плохо?

– Нет... все нормально, – оглянувшись по сторонам, за-

метил, как росло количество тел, лежащих на выходе из тоннеля у трака БМП-1, стоявшего ближе всего к въезду.

Я видел синие трупы на искрящее чистом снеге на высоте 4000 метров, словно бревна, аккуратно сложенные вдоль дороги. Вот, оказывается, какая бывает Смерть. Никто из спасенных не шевелился. Офицеры и рядовые отдали свои жизни... за что? Даже сейчас, спустя стольких лет после вторжения, на этот вопрос никто не знает ответ. Потому что ответа нет. И никогда не было. Потому что давать ответы – для слабаков. В Советской Армии таких нет.

Одни говорят – интернациональный долг. А понимают ли те, кто говорит об этом, ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ? К чему мы все пришли со своим интернациональным долгом? Ведь РАЗВАЛ СССР начался именно с начала выполнения этого самого интернационального долга. Может лучше назвать – оккупация? Конечно, слух режет. Да и какая это оккупация, если нас попросили. Но, если попросили, то какой это долг? И кто теперь больше должен? Мы – им, или они – нам? В чём измерять интернациональный долг. В трупах афганцев, или в телах наших погибших солдат?

Задумайтесь...

Коммунистическая идеология не отпускает. Но нынешние реалии не сильно отличаются от реалий тех дней. И если сегодня наша помощь Северной Осетии (эту фразу я писал во время шестидневной войны с Грузией) это и есть ИНТЕР-

НАЦИОНАЛЬНЫЙ долг, долг любого ПОРЯДОЧНОГО государства, то то, что мы выполняли в Афганистане не ложиться на матрицу вообще какого-либо долга. Ибо мы ИМ НИЧЕГО не были должны. Но до сих пор продолжаем ту-по повторять что-то про свой долг.

У России такая судьба. Судьба быть на стороне слабых. На стороне правды. На стороне разума. Это карма, скажет индус, или доля, ответит русский. Это печать на лбу, это путь, по которому идёшь, чтобы искупить прежние ошибки.

Сирия. Мы спасли эту страну. Мы переломили хребет террористам, измывавшимся над народом. Но задумаемся, что мы получили в Сирии. И ответим – военные базы. Что дал нам Афганистан? Потерянное поколение, жившее на лжи.

Солнце медленно садилось за горизонт. Было около 2 часов дня, когда начался весь этот кошмар. Чувствуя в ногах слабость, мне меньше всего хотелось вновь залезать внутрь тоннеля, из которого продолжали ползти люди. Многих тащили на спине более выносливые товарищи. Подкатившая рвота выворачивала внутренности наизнанку. Я взял в руки снег и обтер им лицо. Не помогало. В глазах двоилась картинка, и я никак не мог сфокусироваться на стоявших неподалеку машинах.

– Ты что здесь делаешь? – Князев материализовался передо мной злым гением Гиндукуша. – Быстро к своим бойцам. И занимайтесь личным составом, лейтенант.

– Я помогал ребятам....

– Я сказал, занимайтесь своим личным составом, и не суйтесь, куда не следует. Ясно?

«Пошел-бы ты на ...уй!» в сердцах проговорил я про себя, оглянувшись за спину. В данной ситуации мое мнение совпадало с мнением моего внутреннего голоса. Что в Афганистане случалось достаточно редко.

На белом снеге обочины лежало около тридцати тел с почерневшей кожей. У многих из рта все еще выползала рвотная масса. У некоторых голова была в крови. Лишь позднее я узнал, что многие солдаты стрелялись, самовольно уходя из жизни. Тогда я подумал, что сам так никогда не уйду и буду ломать себя, но выдержу любые испытания. Как бы жизнь не складывалась. Как бы меня не ломало.

В тот день, 23 февраля – день Советской Армии и Военно-морского флота, погибло от самострелов и задохнулось в угарном газе около тридцати человек (26, если быть точным) из нашего 186 полка и ракетной бригады.

С праздником, дорогие товарищи!

Капитан Князев смотрел на весь этот ужас со стороны, никому не помогая. В его глазах явственно читалось нечто от животного ужаса, которым он заразился ещё тогда, в полку, когда впервые узнал, куда он может попасть. И этот животный страх уже не отпустит его никогда. До самой смерти.

Команду вперед передали по радиии спустя полчаса. После того как саперы очистили проход от перевернувшейся техники и трупов. Проходя в тоннеле ТО место, я заметил

на бетонной стене следы от пуль и широкую промоину исцарапанного бетона, оставленного танком. Что же испытали на себе солдаты, оказавшиеся в угарном плену? Какие мысли проскользнули по их извилинам, коли единственным решением, для них, было застрелиться? Неужели человек способен дойти до точки, за которой нет возврата. И от этих мыслей стало по-настоящему страшно.

Кабул – Париж Востока

До того, как мы въехали в Кабул, на несколько дней остановились на аэродроме в Баграме, где базировались наша авиация: истребители и штурмовики. Там же располагались разведчики, ежедневно тренирующиеся в рукопашном бое. Было интересно наблюдать за ними, упорно отрабатывающими тот или иной прием каратэ. Их горганные крики пугали птиц на несколько километров вокруг.

В полку, в Алма-ате, нас, занимающихся каратэ было человек пять. Одного из них – начальника финансовой службы помню до сих пор. Это был капитан. Статный. Умный. Интересный собеседник. Не знаю, по какой причине, но он оказался в том месте, где МИ-8 потерпел катастрофу в этом самом Баграме. Лопастями ему перебило обе ноги. Рядом пострадало еще несколько бойцов и офицеров. И это все, потери не боевые, к тому времени превышающие боевые раза в два.

Он и еще один парень из второго батальона вместе со мной ходили на тренировки в СКА в Алма-Ате. Тогда мне казалось, что я прикоснулся к одной из тайн века. На третьей тренировке меня пригласил в свою личную группу сенсей – тренер, имеющий коричневый пояс, для меня – вершина боевого искусства. До одури отрабатывая ката, я и в мыслях не держал, что когда-то сам стану учителем по боевым

искусствам. Буду тренировать в Японии и Венгрии, Грузии и России, отдав этому делу более 35 лет своей жизни. И всегда знал, что умение жестко бить нам, русским пацанам, пригодится.

Но мы отвлеклись....

Остановились мы у въезда в город Кабул, там, где ранее располагались королевские конюшни. У подножья горы. С видом на Дворец Амина. Расставили палатки. Стали обживатьсь. Думали надолго, а оказалось – на месяц с небольшим. Но и этого времени было достаточно, чтобы не только прийти в себя, но и более внимательно рассмотреть страну, которую оккупировали, или, как говорили тогда – выполняли интернациональный долг.

После севера, где жизнь сохранилась на уровне каменного века, столица отличалась особым восточным шармом. Пехоте запрещали высовываться из брони, но во время марша минометчики имели преимущество в обзоре внешнего мира. Современные магазины с аппаратурой, от которой захватывало дух. Телевизоры, видеокассетники, комбайны... По сравнению с нашими «Электрониками» местные «Шарпы» представлялись вершиной технологии. Ой, мама! Джинсы!!! Синие, черные, красные, голубые, зеленые! Рубашки военного образца, гражданские, хаки, черные, с лейблами, и без. Мадэ ин США, мадэ ин Джапан. Мама – держи меня!

Когда-то Кабул называли Парижем Востока. И мы побывали в самом его центре. Там, где индусы торговали электро-

никой.

Часы! Сейки! Из золота. Из бронзы. Из алюминия. Из чугуна. Кварцевые. С бриллиантами. С арабскими цифрами. Без цифр. Электронные. Механические. С автозаводкой. Без заводки. Голова шла кругом. Однажды остановившись у одного из таких магазинов, проторчали в нем более часа, с трудом оторвав взгляд от сверкающих витрин капитализма. Полученная, пиздюлина от Князева, за опоздание была компенсирована приобретенными положительными эмоциями.

Встречали нас индусы, а они в Кабуле, как евреи в России – сейчас, вся торговля и финансы у них в руках, радушно. С уважением. Думая, что мы и будем их настоящими покупателями. В принципе, думать никому не запрещено. Мало что знающие об СССР, им казалось, что они видят перед собой не шайку бандитов – небритых, грязных и с оружием наперевес, а сильнейшую армию мира. Но вся печать была в том, что и мы также считали.

Проблемы начались после того, как несколько советских солдат силой оружия откровенно раскулачили пару лавок с ширпотребом. На Востоке слухи расходятся со скоростью пули, выпущенной из ствола. Фактов столь отвратительного поведения интернационалистов было столько, что практически вся столица Афганистана вышла на демонстрации против ввода Советских войск. Но они опоздали. Человека, который подписал воззвание к нашему Правительству, мы уже отправили на тот свет, где его приютил Аллах.

Именно поступки интернационалистов (в основном грабежи) стали той каплей, которая заставила выйти всю страну на улицы в марте – апреле 1980 года, протестуя против освободителей, так сказать, пришедших наказать коммунистическую партию неправильной ориентации.

Полиция, обученная в СССР, жестоко подавила выступления. Нам зачитали Приказ Главкома о запрете появляться в городе без особой нужды. А если и появлялись, то исключительно по-боевому, с задраенными люками. Случаи мародерства усиленно замалчивались, стыдливо называя их единичными случаями. Но смею заверить, что случаи были далеко не единичными. Убивали торговцев. Грабили лавки. Заставляли отдавать напитки: «фанту» «колу». Глумились, как считали нужным. Ведь, сильнейшая армия в мире! Помните?

Место, где мы расположились, называлось «королевскими конюшнями», именно в этом районе стояли конюшни с лошадьми руководителей Афганистана. Конечно тогда, дворец выглядел иначе. Даже издалека он скорее напоминал «дом Павлова» из истории Великой Отечественной войны. Пустые глазницы окон, стены в следах от пуль, рваные газеты и запах говна.

Шел дождь. Начиналось время муссонов. Конец февраля. Работа не тяготила. Призыв, недавно прибывший из СССР, спал в палатках, а обязательные политинформации, проводимые офицерами батареи, заканчивались не начавшись. Газеты вызывали если не смех, то точно недопонимание. Ока-

зывается, мы сажаем в Афганистане яблоки.

Не важно...

Главное – мы живы. И также ничего и никого не боимся. Презрительно относимся к Смерти, которая уже отметила свои очередные жертвы. С утра до ночи играем в карты. Карты и нарды. Выигрывает, как правило, прапорщик Акимов Лёша. Почти всегда. Меня это бесит. Солдаты спят. Часть из них несет боевое дежурство. Ночами уже страшно. Земля полнится слухами.

«Слышали, басмачи зарезали наряд?». Духами ИХ назовут журналисты. Года через два. Ныне «духами» мы кличем истощенных солдат, до того худых, что те напоминают божий дух. Для нас ОНИ «басмачи» или «душманы».

Однажды побывал на горе, где стоял Дворец Амина. Весь в следах от автоматных и пулеметных пуль. Пусто. Некогда красивейший дворец, построенный шахом Даудом, представлял собой печальное зрелище. На полу сломанная мебель. Обрывки бумаги. Почти во всех углах насрано. Вонь ужасающая. Мухи размером с воробьев.

Группа КГБ, взявшая дворец, побывала у нас в полку. Я видел несколько человек в песчаных комбинезонах. Двое были ранены. Один в руку. Он о чем-то говорил с Переваловым. Подойти и расспросить не хватило мужества. О них говорили как о легендарных личностях. Так оно и было. Легендарный спецназ КГБ СССР «Альфа». До этого момента о них никто не слышал. Никогда.

При более чем стократном преимуществе противника в живой силе, им удалось взять Дворец практически без потерь. Оставляю за бортом моральный аспект операции. Остановлюсь на боевом. Поверьте человеку, который дрался в окружении, побывал в плену, бежал, знает изнутри каково это – драться с превосходящим врагом. Так вот. Это действительно походило на Подвиг. Именно так. С большой буквы.

А в это время командир полка Смирнов О. Е., расписывал «подвиги» уже своих подразделений, для представления на значок «Гвардия». Что он там написал – не знаю. Но скорее всего писанина сия, была состряпана на основе тех «боевых донесений», какими подавались такими выдающимися интернационалистами 186 МСП, как капитан Косинов и капитан Князев.

Тем временем обустройство жильем в Кабуле продолжалось. Где-то, через неделю, всем зачитали приказ, о том, что на базе нашего полка сформирована 66 отдельная бригада. Еще через пару дней прибыл десантно-штурмовой батальон, влившийся в полк. Как водка в глотку майора Китова. Прибыл ракетный дивизион. И началось переформирование повзрослому.

Партизаны, выполнившие свою миссию, покидали подразделение. На прощание их всех построили, поблагодарили за службу Родине и отобрали все, чем они обжились на севере страны. Куча ногтерезок, пластиковые карты, еще ка-

кой-то хлам – мечта Князева, перекочевали в его карманы. Командир, же бригады, Смирнов всех особо предупредил о запрете перевоза добытого в боях товара, на территорию СССР. Один из самых вовремя данных приказов за всю мою службу в советской армии.

Раскулачивание шло не только по вертикали и горизонтали, но и в глубину. Залезая партизанам в очко по самый локоть. Не спрятали ли они там, суки, нечто такое, что могло бы радовать глаз и здесь. Командиры, как могли, выполняли интернациональный долг.

Еще спустя сутки, стало прибывать новое пополнение, которое и взвалило на себя основное бремя войны. Из тех ребят, что пришли в мой взвод, только рядового Деревенченко отправили назад без ранений, но он получил страшнейшую психологическую травму – потерял 11 мая 1980 года родного брата. Остальные погибли. Практически все. Пушечное мясо войны.

За житейской суетой, сформировали наконец 66 бригаду, о которой сейчас все говорят с повышенными (минорными) интонациями, но здесь не все так однозначно, ибо ТО время представляло собой временем профанаций, недоговорок и откровенной лжи. Лишь сейчас у нас открываются глаза на тот период, которому мы все служили. Как могли.

Если с пехотой все было вроде понятно, то с ДШБ, возникшая ниоткуда – полная муть. Кто такие? Откуда пришли? А не ошиблись случаем? Точно в 66 бригаду?

– Здорова, ты откуда?

– Десантно-штурмовой батальон...

– А как зовут?

– Саня.

– А меня Игорь. Я из первого. Слушай, а к вам можно перевестись?

– Не знаю, надо поговорить с комбатом.

– Поможет?

– Не знаю. У нас некомплект. Ты поговори. А что, хочешь к нам?

– Да не против. Мои пидарасты надоели. А ты с какого училища?

– Коломенское, а ты?

– ТВАККУ.

– Тбилиси?

– Точно.

Саша Суровцев (убит 11 мая 1980 года) из ДШБ сразу понравился мне, ибо был мой одноклассник. И также – артиллерист. Миниметчик, хотя поговорку, курица – не птица, минометчик – не артиллерист нам обоим была знакома. Это был спокойный парень, довольно крепкий. С открытым лицом, и такой же душой.

Почти каждый вечер мы встречались, чтобы поболтать о том и сём. Он спрашивал о войне на севере, я как мог – отвечал. Гоняли анекдоты, я – про десантуру, он – про минометчиков.

Однажды он пришел в палатку, где располагались офицеры минометчики, под вечер, часов в шесть, когда темень практически заволокла окружающий мир тугим полотном.

– Игорь, выйди...

– А, здорово Сань, сейчас, – отпросившись у Князева, я через секунду уже стоял с другом. В Афгане дружба завязывалась мгновенно.

– Держи..., – в руках он сжимал две красивые банки с надписью «beer».

– Что это?

– Открывается вот так, – он ловким движением правой руки вскрыл одну из банок, из которой повалила белая, густая пена.

– Пиво?

– Ну...

– Откуда?

– Трофеи, – рассмеялся лейтенант Суровцев, – пошли поболтаем.

Мы нашли место, где нам никто не мешал. За палаткой на ящике от снарядов или мин. Уже не помню. Говорили мы часов до двенадцати, пока на небе не зажегся желтый фонарь луны. Он рассказывал о своей семье, отце, который служил в Коломенском училище на какой-то там кафедре, и матери. О девушке. Я рассказывал об отце, городе, где жил и учился. Об училище.

Наша дружба продолжалась почти три месяца. И закончи-

лась 11 мая 1980 года в 9 часов 33 минуты.

Память, это такая тварь, которая проникает в тебя на время, а остается на всю жизнь.

Тем временем муссон, о котором так часто говорили замполиты, начался. Лило, как помню, недели две с редкими перерывами на обед. Днем бойцы делали то, что умели лучше всего – спали. Офицеры получали вводные, и тоже спали. До вводных, после вводных, а некоторые и вместо вводных. Я о себе.

Вечерами коротали время в турнирах. Опять играли в нарды. В длинную. На вылет. Я надирал жопы практически всем. Рука была набита еще в закавказском военном округе. Я – же из Тбилиси, помните? Позднее в карты. Здесь рулил Леша Акимов, набивший руку на целине.

Боевая работа практически не велась. Принимали пополнение. Размещали. Знакомились. Дедовщина разрасталась как раковая опухоль. Партизаны ушли, и на новеньких началась охота. Нет, не били, но «ездили» на них все старики или дедушки Советской Армии, как заправские ковбои из вестернов на лошадях.

Этот день походил на все предыдущие, как сиамские близнецы друг на друга. Помню, день стоял необычно солнечный. Дождь выдохся, как бегущий по барханам с ворованным чемоданом чужого добра прапорщик Шатилов. Часы показывали одиннадцать по местному времени. Я только вышел из палатки, и собирался сходить еще раз в Дворец Амина на гору,

с надеждой найти что-нибудь там, чего возможно не нашли тысячи наших людей в форме до меня. Но, к сожалению, там можно было найти только говно. Это в традициях советской армии. Говорят, в Берлине в 1945 году, уже 11 мая в Рейхстаг невозможно было войти, не зажав нос.

– Товарищ лейтенант, где найти командира батальона?

Я обернулся. На меня смотрел высокий, выше, чем я, старший лейтенант в зимнем обмундировании и начищенных, до блеска, сапогах. Сбоку висела офицерская сумка (так у нас давно не ходили, а также давно не чистили сапог до такого состояния). Судя по разрезу глаз – не японец. И не китаец. Значит – наш: казах или киргиз.

– Тебе в ту палатку...

– Не тебе, а вам, – спокойно и весело поправил меня не японец, и не китаец.

– Извините, – мгновенно сдулся я, и кажется, покраснел, – товарищ старший лейтенант.

– Прощаю. Комбатом Перевалов?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– А вы откуда?

– Из миномётной батареи лейтенант Котов, – отрапортовал я, вытянувшись в струнку и неумело козырнул правой рукой. Получилось не очень. Но зная, что стою перед будущим Начальником Генерального Штаба Киргизской Армии, вытянулся бы еще выше. И это откровенная лесть, чтобы кто чего не подумал.

– Вольно, лейтенант, меня зовут Алик, а тебя?

– Бля... – я мгновенно расстроился, поняв подвох.

– Это мама так тебя назвала?

– Нет, Игорь. Меня зовут Игорь, ну ты...

– Я командир взвода. А куда? – Перевалов скажет. Ну, пока.

– Пока, Алик.

Это был Алик Бейшенович Мамыркулов – один из выдающихся людей 66 бригады, с кем меня связала жизнь. Спасибо Афганистану. Сильная личность. Настолько сильная, что его полное пренебрежение к смерти напоминало игру. Нет, он боялся смерти, боялся. Будем откровенны до конца. Но она боялась его еще больше.

На сколько помню, он ни разу не повышал голос, нет, вру, один раз кажется с майором Китовым – хамом №1 первого батальона, при разговоре повысил тон. И говорил настолько резко, что заставил таки это хамло обращаться к нему строго по уставу, и исключительно на «вы». Случилось это на Желалабадском аэродроме у полевой кухни. Году эдак в 1981, если не изменяет память.

Он обладал особым даром общения с людьми, заставляя их тянуться к нему. Помню типичный эпизод. Это случилось на территории Желалабадского аэропорта, который мы охраняли. У одного моего солдата завелись часы. Не простые, хотя и не золотые. Так, СЕЙКО. Ничего особенного. Но именно такие, какие мне всегда хотелось иметь.

Пользуясь властью и статусом, я отобрал часы у бойца, так этот солдат побежал жаловаться не командиру батареи, который в конце концов взял бы их себе, а Алику Мамыркулову. В роту, которая стояла на другом конце аэропорта. В другое подразделение.

Пришлось отдать, как помню, после фразы Алика.

– Надо отдать.

Он не давил на меня, не требовал. Он просто одной нейтральной фразой расставил все фигуры на доске, указав каждой свой путь. Просто и гениально. Как все команды, которые он давал в бою. Работать в горах с ним было сплошное удовольствие. Как и со всей третьей ротой. Один капитан Какимбаев чего стоил. А про лейтенанта Семикова пока смолчу. Его время не наступило.

Думаю, если бы мне пришлось расписывать эпитеты третьей роте, то мне пришлось потратить как минимум несколько десятков листов в этой книге, чтобы описать каждого офицера и прапорщика отдельно. И это тоже лесть. Лесть людям, которых уважаешь. До сих пор.

Если честно, у меня складывалось впечатление, что командир 66 бригады так, по настоящему, и не узнал всех своих офицеров. Их лучшие и худшие стороны. Из чего они состоят, чем дышат и чем живут. Безусловно, он не был Наполеоном, знавшим всех своих гвардейцев по именам. И конечно не знал своих солдат как Македонский, хотя и побывал на том же маршруте, что и Великий Александр. До сих пор

он вспоминает только штабных офицеров и командиров батальонов, практически не помня командиров рот или взводов. Не говоря про солдат и сержантов. Иначе, не было бы таких ляпсусов с наградными листами, некоторые из которых просто визжали: кого награждаете, идиоты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.